

са. Активизировалась идентификация национального опыта в контексте европейского геральдического пространства. Эти процессы дали результаты к концу 1830-х гг., когда отечественное гербоведение вступило в качественно новую стадию развития.

§ 2. Тяжкий путь к знанию: развитие научной геральдики в середине XIX – начале XX в.⁴⁷⁷

На развития научной геральдики в середине XIX в. немаловажное влияние оказывали процессы, происходившие в российской исторической науке: повышение познавательного уровня работ, становление профессионального образования, появление научных обществ, активная археографическая деятельность, совершенствование архивного дела и др. Заметно возросло внимание к специальным историческим дисциплинам и источниковедению как методологической основе исторического исследования.

Как и другие специальные исторические дисциплины, в середине XIX в. геральдика воспринималась как раздел археологии. Это было обусловлено несколькими факторами. Уровень развития дисциплины не позволял ни информационно, ни источниковедчески, ни познавательно выявить и закрепить ее связь непосредственно с историей. Более очевидными и прагматическими представлялись отношения с археологией, изучающей вещественные памятники (преимущественно с печатями). Русская геральдика вводилась в историческую науку через археологию, поэтому и первую концепцию геральдического знания, разработанную А.Б. Лакиером, можно назвать археологической.

В середине XIX в. появились геральдические работы, которые без колебаний могут быть отнесены к разряду исследовательских. В их числе первенствующее место занимал труд А.Б. Лакиера «Русская геральдика». Он вышел в свет в 1854 г. в «Записках Императорского археологического общества», а в следующем году был переиздан отдельной книгой⁴⁷⁸. Это первое монографическое исследование в области гербоведения, значение которого определялось тем,

⁴⁷⁷ Учитывая специфику истории русской научной геральдики, в данном случае под началом XX в. подразумевается период до 1908 г., после которого положение дисциплины в системе исторического познания кардинальным образом изменилось.

⁴⁷⁸ См. сноску 2.

что в нем предпринималась попытка сформулировать целостное понимание русской геральдики как научного знания.

Труд А.Б. Лакиера основывался на обобщении известного к середине XIX в. фактического материала, содержавшегося в опубликованных источниках: «Полном собрании законов Российской империи», «Собрании государственных грамот и договоров», «Древней российской вивлиофике», «Актах исторических», «Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России», «Актах Археографической комиссии», «Общем гербовнике дворянских родов». Архивные материалы (из Императорской публичной библиотеки, Московского главного архива Министерства иностранных дел)⁴⁷⁹ привлекались эпизодически, что детерминировалось общим состоянием архивного дела, недоступностью многих источников. А.Б. Лакиер ощущал недостаток неопубликованных документов, особенно из частных архивов⁴⁸⁰. Несмотря на локальность использованных источников, ему удалось собрать и проанализировать обширный массив информации, который позволил создать политематическое исследование, касавшееся (с большей или меньшей степенью подробности) практические всех аспектов бытования русских гербов. В монографии излагалась история государственных, территориальных и родовых гербов, геральдических учреждений, давалось толкование терминологическо-понятийного аппарата, приводились сведения о формальных правилах геральдики, имелся очерк зарождения гербов в Западной Европе.

Цель, поставленная А.Б. Лакиером, была гораздо глубже, чем простое изложение суммы известных к середине XIX в. фактов. Она заключалась в том, чтобы дать концептуальное понимание русской геральдики, интегрировать дисциплину в систему исторического знания, благодаря чему доказать ее ценность для понимания прошлого и научную состоятельность. Это стремление было реакцией на бытовавшее в середине XIX в. скептическое отношение к познавательным возможностям геральдики. Русские гербы считались явлением поздним, введенным в период реформ Петра I искусствен-

⁴⁷⁹ Возможность ознакомиться с этими материалами возникла благодаря помощи директора архива, известного историка князя М.А. Оболенского (РГАДА. – Ф. 395. – Оп. 1. – Д. 220. – Л. 1–2 об.). См.: *Наумов О.Н.* Из переписки А.Б. Лакиера. – С. 154–155.

⁴⁸⁰ *Лакиер А.Б.* Указ. соч. – С. 230.

но, волевым актом государства. Следовательно, их изучение не могло принести, как считали, никакой серьезной пользы. Существовала и более радикальная точка зрения, адепты которой полагали излишним изучение даже европейских гербов, хотя бы и имевших длительную историю⁴⁸¹. Нигилистические оценки были во многом обусловлены самим состоянием отечественного и зарубежного гербоведения. Первое находилось на начальной стадии развития, второе, несмотря на обилие работ, не использовало широких познавательных возможностей геральдики, увязнув в изложении формальных правил и в составлении справочников.

Проповедовавшаяся А.Б. Лакиером идея о перспективности изучения гербов не совпадала со скептическим отношением, поэтому его книга имела полемический оттенок и фактически положила начало растянувшейся более чем на столетие то затухавшей, то вновь активизировавшейся дискуссии о ценности дисциплины для познания прошлого.

Концепция национальной геральдики А.Б. Лакиера основывалась на двух основных положениях: представлении о древности русских гербов⁴⁸² и идее о самобытности геральдического опыта, коренном его отличии от западного прообраза.

Первый тезис А.Б. Лакиер доказывал положением о прямой связи русских гербов с печатями. Он не отождествлял эти понятия, проводя между ними четкое различие («право иметь печать далеко не то, что право на герб»)⁴⁸³. Исследователь стремился обнаружить случаи, когда изображения с древнерусских печатей прямо переходили в гербы, что, как ему казалось, доказывало раннее возник-

⁴⁸¹ Такого мнения придерживался, в частности, Н.Г. Чернышевский, писавший, что сочинения по геральдике «особенного значения для науки не имеют [...] и для истории тех народов, у которых гербы были старинными учреждениями», и что это обусловлено «самой сущностью» их предмета (*Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений.* – Т. 2. – М., 1949. – С. 652).

⁴⁸² Эта мысль не была принципиально новой, подобные идеи высказывались в предшествовавших работах, например по отношению к гербу Киева, возникновение которого относилось к «самым древнейшим временам Русского государства» (С.К. Мнение покойного киевского преосвященного митрополита Евгения о киевском гербе Св. Архангела Михаила // Прибавление к Киевским губернским ведомостям. – 1845. – 26 янв. – № 4. – С. 19). Однако А.Б. Лакиер постарался придать частному тезису универсальность и концептуальность.

⁴⁸³ *Лакиер А.Б. Указ. соч.* – С. 15.

новение геральдики в России. При анализе конкретного материала А.Б. Лакиер допускал однозначные, безапелляционные оценки, не смущаясь ни изменчивостью эмблем на печатях, ни значительными хронологическими промежутками между изображениями⁴⁸⁴. Однако даже при таком несостоятельном методическом подходе совпадений удалось обнаружить очень немного.

Тезис о древности потребовался для того, чтобы оспорить факт заимствования института герба из Западной Европы, показать его глубокие национальные традиции и автономность генезиса. Из этого следовал второй постулат – о самобытности явления. Ориентируясь на родовую геральдику, А.Б. Лакиер подчеркивал тесную связь гербов с историей дворянства, а поскольку он считал, что феодализма в России не было⁴⁸⁵, то и социальные характеристики русского и европейского дворянства не совпадали. В России отсутствовало рыцарство, не проводились турниры, элита не участвовала в крестовых походах. В Европе древнее дворянство сложилось, в основном, из потомков тех, кто завоевывал страну⁴⁸⁶. Не менее резко, как считал юрист по образованию А.Б. Лакиер, отличались права на недвижимую собственность. В Европе наделение рыцаря землей приводило его в «отношение подчинения» к «вождю», означавшее ограничение в некоторых правах. В России система вассалитета в таком виде не существовала, «во главе коренного русского дворянства» стояли потомки удельных князей⁴⁸⁷, наделенные родовой собственностью и широкими правами. Именно в понятии «родового начала», опирающегося на родовую, недвижимую (т. е. фактически земельную) собственность, видел А.Б. Лакиер «исходный пункт» отечественной геральдики⁴⁸⁸. Основанием западной геральдики считал он «личное» начало, принципиально от-

⁴⁸⁴ На одной из сторон печати, привешенной к жалованной грамоте великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю и относящейся к XII в., он обнаружил изображение архангела Михаила, поражающего змея, которое признал прообразом киевского герба (Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 69).

⁴⁸⁵ Там же. – С. 193, 194.

⁴⁸⁶ Там же. – С. 196–197.

⁴⁸⁷ Там же. – С. 198.

⁴⁸⁸ Там же. – С. 9.

личавшееся от «родового». Между двумя началами А.Б. Лакиер проводил следующие противопоставления:

Запад	Россия
Герб «избирается отцом».	Герб «дается наследственным городом».
Герб передается потомку.	Герб передается «наследнику родового герба».
Герб отражает личные доблести и заслуги. Переходя к потомкам, он изменяется при помощи дополнительных фигур и цветов.	Герб указывает на место, где представители рода являлись владельцами. Переходя к потомкам, он остается неизменным.

Поскольку фундаментальной чертой герба А.Б. Лакиер считал наследственность, трансляцию от поколения к поколению, то из подобного сравнения логически вытекала мысль не только о различиях, но и о безусловном превосходстве русской геральдики над западной, как более соответствующей самой сути явления. Это выразилось не только в особенностях генезиса, но и в несовпадении хронологии развития. Если на Западе к моменту создания книги, к середине XIX в., гербы, как отмечал А.Б. Лакиер, потеряли всякое практическое значение, то в России геральдика активно развивается и соответствует насущным потребностям дворянства.

Положение отечественного опыта по отношению к польской и французской геральдическим системам А.Б. Лакиер считал двойственным. По «родовому основанию» он близок к первой, а по формальным чертам и характеру владения – ко второй. Таким образом, русская геральдика занимала промежуточное положение, что дало основание А.Б. Лакиеру говорить об особой русской системе⁴⁸⁹.

⁴⁸⁹ Дальнейшая историография, не без влияния А.Б. Лакиера, также признавала сущность русской геральдики смешанной (Винклер П.П. фон. Герб, гербоведение. – С. 461). Тезис о существовании трех систем (французской, польской и русской) и соответствующих им личным, родовым и смешанном «началах» повторял Е.Н. Воронец (Воронец Е.Н. Указ. соч. – С. 16).

Подобные рассуждения о «родовом основании» гербов были предопределены общим состоянием историографии середины XIX в., в которой проблема «родовой жизни» Древней Руси являлась одной из самых актуальных, отразившись в научном творчестве таких историков, как С.М. Соловьев и К.Д. Кавелин. Влияние идей последнего на концепцию А.Б. Лакиера несомненно, поскольку геральдист учился у него в Московском университете.

С другой стороны, тезис о своеобразии русской геральдики, ее принципиальном отличии и, главное, о превосходстве по сравнению с Европой, соответствовал славянофильским представлениям об историческом процессе, которые как раз сформировались окончательно в конце 1840-х – начале 1850-х гг.

Первенствующее внимание к дворянской геральдике, четко обозначенная связь института герба с монархией⁴⁹⁰, возвеличивание самодержавия свидетельствовали о том, что концепция А.Б. Лакиера формировалась под сильным влиянием дворянско-консервативного направления русской историографии.

Таким образом, книга А.Б. Лакиера оказалась в зоне синтеза нескольких общих историографических тенденций и аккумулировала черты различных концепций, новых для своего времени. Эkleктика не помешала созданию вполне научного по теоретико-методологическим основаниям и ценного по информационному наполнению исследования.

Исходная для концепции А.Б. Лакиера идея о родовом основании русской геральдики была приемлема (независимо от того, справедлива она или нет) только для очень небольшой группы родов – княжеских и дворянских, происходивших от Рюрика. Понимая ограниченность предложенного критерия, исследователь ввел еще несколько «оснований», разделив единое геральдическое пространство на практически независимые друг от друга страты. Для

⁴⁹⁰ В одной из ранних работ А.Б. Лакиер писал, что московский всадник в государственном гербе «неволью напоминает всякому русскому, как к Москве малопомалу примыкали города, как из этого центра образовалась постепенно великая монархия» (*Лакиер А.Б. О российском государственном гербе // Санкт-Петербургские ведомости. – 1847. – № 142. – С. 650*). Проникнут монархическими идеями и текст «Русской геральдики». В книге указывалось, например, что двуглавый орел «должен был перевести на символический язык монархические понятия, составившие силу и твердость нашего отечества» (*Лакиер А.Б. Русская геральдика. – С. 136*).

оставшихся дворянских родов он предложил «основания» по происхождению, по заслугам и по соответствию с прозванием. Первое из них предназначалось для тех родов, чьи предки выехали на Русь и, по мнению А.Б. Лакиера, сохранили эмблемы, напоминающие об иностранном происхождении. Впоследствии они попали в гербы и «должны были свидетельствовать о том, какой стране и какому народу принадлежат предки лица, употребляющего их»⁴⁹¹. А.Б. Лакиер скрупулезно отследил подобные случаи. По поводу двух китов в гербе Паниных он писал, что «эмблема эта нередка в гербах дворянских фамилий приморских стран Италии»⁴⁹², а о гербах семей французского происхождения указывал: «Роды, выезжие из Франции, имеют в своих гербах очень часто лилии»⁴⁹³ и т. п. Некоторые роды вели происхождение из стран, где гербов не было, но А.Б. Лакиер нашел выход из затруднения в констатации близости подобной ситуации с Русью, где основанием гербов служили «знамена»⁴⁹⁴. К разряду «выезжих» были отнесены даже те роды, которые попали в Москву из других регионов России. Причиной их причисления к группе послужило то, что принадлежавшие им гербы отразили областные и городские «знамена». По А.Б. Лакиеру получалось, что практически все древнее русское дворянство – выезжее. На самом деле, такая оценка не может быть признана обоснованной. Геральдист опирался на родословные легенды о выездах родоначальников семей, но, как было доказано впоследствии, многие из них не соответствовали действительности, являлись генеалогическими мифами⁴⁹⁵. Основание «по происхождению» отражало определенные реалии самосознания социума, но не было пригодно для научного анализа родовой геральдики.

Формализованными выглядят также другие основания – гербы «по заслугам» и по «соответствию с прозванием». К гербам «по заслугам» причислялись гербы всех родов, пожалованных титулами, но среди них могли быть эмблемы, на которые распространя-

⁴⁹¹ Там же. – С. 249.

⁴⁹² Там же. – С. 316.

⁴⁹³ Там же. – С. 319.

⁴⁹⁴ Там же. – С. 340.

⁴⁹⁵ Так, А.Б. Лакиер считал одноглавого орла в гербе Хвостовых свидетельством их выезда из Пруссии, но впоследствии генеалогами была убедительно доказана фантастичность этих сведений (Савелов Л.М. Указ. соч. – Ч. 2. – С. 137).

лись и первые два «основания» (например, в случае, когда титул получал «выезжий» род). Столь же противоречиво выделение группы гласных гербов, слабо обоснованной А.Б. Лакиером. Исследователь утверждал, что они имеют «особенное значение для русской геральдики, потому что прозвания, дававшиеся за достоинства и недостатки или просто для отличия одного лица от другого, у нас чаще, чем в других странах»⁴⁹⁶.

В обобщенном виде модель развития русской геральдики у А.Б. Лакиера выглядела следующим образом: изображения с древних княжеских печатей перешли на городские печати, в которых правили представители рода Рюриковичей. Затем они послужили основой княжеских гербов. Позже выезжие роды принесли на Русь те изображения, которыми они пользовались в своих странах и которые, как память о происхождении, были использованы при составлении гербов. Затем гербы стали фиксировать заслуги рода в различных сферах государственного управления (придворной, гражданской, военной). Таким образом, получалось, что герб – самостоятельное, оригинальное явление истории Русского государства. Во второй половине XVII в. через Польшу и Литву было заимствовано само понятие герба и, соответственно, иконографическая модель, в действительности никак не связанная с отечественной историей. Следовательно, русские гербы порождены национальным историческим процессом, и их изучение может дополнить представления о прошлом неизвестными из других источников сведениями. По мнению А.Б. Лакиера, подобная идея доказывала, что отечественная геральдика является самостоятельной научной дисциплиной, необходимой для познания прошлого.

Подчинение фактического материала жестко сформулированной концепции привело к мистификации выводов А.Б. Лакиера. Он создал научный миф о древней и самобытной русской геральдике, оставив в стороне те аспекты, которые могли стать действительной основой для научного познания. В частности, недооцененным осталось источниковедческое значение гербов. Хотя А.Б. Лакиер впервые в отечественной историографии указал на возможность использования их для внешней критики, датировки и определения места появления источников, мысль его носила отвлеченный

⁴⁹⁶ Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 368.

характер, сам историк на практике ей не воспользовался. Положение об источниковедческой сущности герба было сформулировано только по отношению к государственным символам, а не ко всему геральдическому пространству⁴⁹⁷.

Неоправданно мало внимания уделил А.Б. Лакиер семантике гербов. Смысл конкретных эмблем пояснялся им в тех редких случаях, когда на него прямо указывал текст какого-либо источника или когда вопрос имел принципиальное значение, как, например, в случае с московским всадником. В целом же А.Б. Лакиер считал, что значение эмблем хорошо понятно только для того, кто составлял герб. В дальнейшем оно терялось, и точное понимание символики почти невозможно. О семантике эмблем историк вынужден высказывать только догадки и предположения, которые не имеют научного смысла. Фактически А.Б. Лакиер декларировал непознаваемость семантики гербов: «Часто исследователь напрасно ищет причины и основания того или другого установления, древностью завещанного, и нередко приходится ему отказаться от объяснения необъяснимого»⁴⁹⁸.

Семантический агностицизм обусловил сведение предмета научных изысканий к анализу иконографии. Для ее изучения использовались два метода: сравнительный и эволюционный. В первом случае сопоставлялся визуальный ряд синхронных эмблем, во втором – варианты одного герба, распределенные в хронологической последовательности, от ранних к поздним. Наиболее показательным примером использования эволюционного метода в труде А.Б. Лакиера стало описание иконографических изменений двуглавого орла, для большей точности разделенного на визуальные блоки: собственно орел и его короны⁴⁹⁹. Они анализировались отдельно друг от друга. Эволюционный метод нашел также широкое применение в тех разделах книги, где А.Б. Лакиер пытался установить связь изображений на печатях и гербах. При характеристике пространства родовой геральдики преобладал сравнительный анализ, способствовавший выделению общих эмблем в группах гербов.

⁴⁹⁷ Там же. – С. 151, 152, 155.

⁴⁹⁸ Там же. – С. 174.

⁴⁹⁹ Там же. – С. 142.

Существенной стороной методики А.Б. Лакиера была междисциплинарность. Он широко привлекал для разрешения исследовательских задач печати, реже – монеты, наглядно демонстрируя активный источниковедческий диалог геральдики со сфрагистикой и нумизматикой. Подобный методический прием характерен и для других геральдических работ середины XIX в. В 1840-е гг. его использовали барон Б.В. Кёне, Ф.А. Фоссберг и иные исследователи, комплексно анализировавшие печати, монеты и гербы в поиске иконографических совпадений и отличий, которые позволяли делать выводы о генезисе изображений. Так, изучение польских печатей XIV–XVII вв. помогло Ф.А. Фоссбергу уточнить начальное изображение герба Варшавы, а сравнительный анализ нескольких монет и печатей привел Б.В. Кёне к уточнению дат появления польско-литовских гербов «Погоня» и «Столбы»⁵⁰⁰.

В методическом плане геральдика, сфрагистика и нумизматика воспринимались в середине XIX в. как единое исследовательское пространство, археологическое по сути. Основным приемом осмысления эмпирического материала являлся иконографический анализ, ставший в дальнейшем доминирующим элементом инструментария гербоведческого исследования. Видимо, он был заимствован из методического арсенала именно археологии.

Следует подчеркнуть, что А.Б. Лакиер отдавал явное предпочтение концептуальным построениям. Методические проблемы не стали предметом его целенаправленного интереса, они затрагивались только в той степени, которая казалась необходимой для создания системы научных доказательств. Формальная систематизация, базирующаяся на сравнительном анализе, способствовала тому, что изложение информации по родовой геральдике приобрело метафизический характер и практически лишилось представлений о развитии, об иконографических и семантических модификациях. Создается ощущение, что описанные А.Б. Лакиером гербы всегда оставались неизменными. Оно детерминировано не только методическими особенностями исследования, но и спецификой использованных источников. В частности, текстами «Общего гербовника

⁵⁰⁰ Фоссберг Ф.А. О происхождении герба города Варшавы // Записки Санкт-Петербургского археологическо-нумизматического общества. – Т. 1. – СПб., 1849. – С. 399–402; Кёне Б.В. бар. О литовских гербах // Там же. – С. 224–230.

дворянских родов», не дававшими информации о визуальной эволюции. Неутвержденные, иконографически вариативные, бытовавшие до государственной кодификации изображения историка не интересовали, за исключением редких случаев, способствовавших подтверждению его концепции. Например, для уточнения времени появления в России гербов западного образца упоминалось о рисунках, представленных в конце XVII в. при составлении родословных книг в Палату родословных дел.

Ориентация на официальное герботворчество, на гербы, признанные государством, составляла одну из основных характеристик труда А.Б. Лакиера. Она проявлялась не только при анализе информации, но и в постоянном акцентировании практического значения работы для составления дворянских гербов. А.Б. Лакиер указывал, что после изучения и систематизации родовой эмблематики «откроется возможность для вновь избирающих себе гербы определять, на основании существующих примеров, какие фигуры в гербах неизбежны для обозначения страны, из которой лица эти выехали, буде это род выезжий, точно так, как сравнение гербов, пожалованных за разные заслуги, откроет возможность отыскать эмблемы, соответствующие каждому роду и виду отличий»⁵⁰¹. В практическом использовании результатов своего исследования А.Б. Лакиер видел критерий научности предложенной концепции, подтверждение ее познавательной ценности.

Книга А.Б. Лакиера вызвала большой резонанс в научном мире, которому способствовала не только ценность труда, но и забота автора о рецензировании и распространении⁵⁰². В обсуждении приняли участие известные историки и юристы: академики М.И. Броссе⁵⁰³ и Н.Г. Устрялов, правовед С.В. Пахман и другие. В 1856 г. автор удостоился почетной Демидовской премии. Все рецензенты отме-

⁵⁰¹ Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 249–250.

⁵⁰² В январе 1855 г. А.Б. Лакиер просил князя М.А. Оболенского выступить с рецензией на «Русскую геральдику» в «Москвитянине» или «Московских ведомостях» (РГАДА. – Ф. 395. – Оп. 1. – Д. 556. – Л. 1 об.–2; Наумов О.Н. Из переписки А.Б. Лакиера. – С. 156), а московского губернского предводителя дворянства А.Д. Черткова – содействовать распространению книги среди московских дворян (*Он же*. Неизвестное письмо А.Б. Лакиера. – С. 212–214).

⁵⁰³ Броссе М.И. Несколько замечаний академика М.И. Броссе на книгу г. Лакиера «Русская геральдика» // 25-ое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград. – СПб., 1856. – С. 101–107.

чали многочисленные достоинства исследования: новизну поставленной проблемы, обширность привлеченного материала, добросовестность анализа⁵⁰⁴. Не менее единодушны были оппоненты в неприятии выдвинутой автором концепции, основные положения которой признавались несостоятельными. Тезис о прямой связи гербов с древнерусскими печатями и, следовательно, о старинных истоках русской геральдики отвергался однозначно⁵⁰⁵. Как указывал, например, А.Н. Попов, между печатями и гербами «нет никакой исторической связи», а если в редких случаях сфрагистические изображения и входили в состав гербов, то подобное было только случайным явлением. Осталось непризнанным также положение о связи гербов с родовой собственностью. Оно не находило подтверждения в источниках, свидетельствовавших как раз о том, что изображения на городских печатях были неустойчивыми, иногда – заим-

⁵⁰⁴ «Первым опытом полной русской геральдики» называл книгу С.В. Пахман (Казанские губернские ведомости. – 1855. – № 6), «единственным в своем роде сочинением» – Н.Г. Устрялов (*Устрялов Н.Г. Разбор сочинения г. Лакиера «Русская геральдика» // 25-ое присуждение учрежденных П.Н. Демидовым наград.* – СПб., 1856. – С. 99), замечательным трудом, «ученым образом решающим одну из задач исторической нашей жизни нового времени» – А.Н. Попов (Журнал Министерства народного просвещения. – 1855. – № 2. – Отд. 6. – С. 65–66). Не менее восторженной была реакция популярных изданий, в которых подчеркивалось, что труд А.Б. Лакиера «уже по одной новизне предмета должен занять видное место в нашей исторической литературе» (*В.Б. Библиографические известия // Московские ведомости.* – 1855. – 8 янв. – № 4. – С. 15) и что он – «первый опыт разработки русской геральдики на основании определенной системы и возведения этого отдела археологии до степени науки» (*Н.М. Новые книги // Санкт-Петербургские ведомости.* – 1855. – 15 янв. – № 11. – С. 48). Даже анонимный рецензент, скептически относившийся к познавательному значению гербов для русской истории, мысли которого перекликались с негативными характеристиками Н.Г. Чернышевского, все-таки пришел к выводу, что «вообще книга г. Лакиера [...] – труд основательный и заслуживающий внимания всех интересующихся русской геральдикой, ученому исследованию которой автор полагает первые, но твердые начала» (Отечественные записки. – 1855. – № 2. – С. 79). Хвалили А.Б. Лакиера и в частной переписке, князь М.А. Оболенский писал: «Не увлекаясь общим мнением о заимствованиях с Запада, Вы посмотрели на свою ученую задачу с чисто русской точки зрения, за такую самостоятельность взгляда нельзя довольно [не] возблагодарить Вас» (*Наумов О.Н. Из переписки А.Б. Лакиера.* – С. 157).

⁵⁰⁵ Тезис о древности русских гербов поддержал князь М.А. Оболенский; в его незавершенной статье о гербе города Каменец-Подольска излагалась фантастическая версия о том, что гербы Москвы и Каменец-Подольска восходят к «древнему» киевскому гербу (РГАДА. – Ф. 395. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 2).

ствованными из Европы, часто только эпиграфическими и не могли ни опираться на княжеские эмблемы, ни стать основой для княжеских гербов. Опровержение исходных идей привело к отрицанию самобытности русской геральдики в целом. Оппоненты подчеркивали отнюдь не формальную зависимость русских гербов от польского и европейского опыта, хотя и не считали это основанием для того, чтобы не признавать отечественную геральдику полноценной научной дисциплиной. Церковный историк С.Т. Голубев сделал принципиальное замечание о том, что построения А.Б. Лакиера отвечали реалиям только Северо-Восточной Руси, поскольку на Юго-Западе под влиянием Польши гербы появились гораздо ранее, еще в XV в.⁵⁰⁶. Несмотря на критику археологической концепции, общий тон обсуждения и оценок оставался позитивным.

Резким диссонансом среди похвал и аргументированной критики стала рецензия Н.Г. Чернышевского, который полностью отверг необходимость изучения гербов, не видя в этом для познания истории ни малейшего смысла. Публицист отказал гербам в статусе исторических источников, поскольку, по его мнению, они не могли содержать такой информации, которая отсутствовала бы в письменных документах. Соответственно геральдика не воспринималась Н.Г. Чернышевским в качестве научной дисциплины: «Геральдика французская, английская, немецкая [и, разумеется, русская. О.Н.] лишена всякого значения для науки и служит просто предметом любопытства для немногих любителей»⁵⁰⁷. В научном отношении она противопоставлялась сфрагистике, хотя и ее познавательные возможности признавались ограниченными.

Несмотря на глубокую ошибочность оценок Н.Г. Чернышевского, их появление очень симптоматично. В рецензии наиболее четко и даже агрессивно формулировалось негативное отношение к познавательному потенциалу геральдики, которое бытовало не только среди деятелей «революционно-демократического» толка. Даже в конце XIX в. известный историк права Н.П. Загоскин повторял старые и ложные тезисы об отсутствии у русской геральди-

⁵⁰⁶ Голубев С.Т. Описание и истолкование дворянских гербов южнорусских фамилий в произведениях духовных писателей XVII в. // Труды Киевской духовной академии. – 1872. – № 10. – С. 314–319.

⁵⁰⁷ Чернышевский Н.Г. Указ. соч. – Т. 2. – С. 653.

ки научного значения, о ее подражательности иностранным обычаям⁵⁰⁸, хотя в отличие от Н.Г. Чернышевского он признал значение геральдических исследований для Европы, где гербы связаны с феодализмом и рыцарством.

Труд А.Б. Лакиера оказал существенное влияние на отечественную историографию, предопределив многие направления, по которым стало развиваться гербоведение. Фактически это воздействие ощущалось до второй половины XX в., т. е. более столетия. Геральдисты, как правило, игнорировали концепцию А.Б. Лакиера, но широко пользовались информацией, конкретными наблюдениями, систематизацией гербов. Можно констатировать, что главной цели историк достиг – его труд действительно заложил основы научной геральдики в России.

В середине XIX в. приобрел актуальность вопрос об осмыслении правил формальной геральдики. Первоначально он сводился к обоснованию модели, на которую следует ориентироваться при составлении новых гербов, но затем приобрел познавательный аспект.

В начале 1850-х гг. Департамент Герольдии предпринял попытку разобраться в ситуации с герботворчеством, приведя процесс составления гербов в некую систему. Было подготовлено несколько рукописных сочинений по формальной геральдике,⁵⁰⁹ в их числе – труд герольдмейстера И.Д. Булычова⁵¹⁰, который вышел в свет одновременно с «Русской геральдикой» А.Б. Лакиера. Он пропагандировал французские традиции герботворчества и остался не только незамеченным, но даже неизвестным историкам и широкой публике. Позиция И.Д. Булычова не соответствовала намечавшимся тенденциям развития геральдики, все более ориентировавшейся не на рецепцию европейского опыта, а на выделение и развитие на-

⁵⁰⁸ Загоскин Н.П. Указ. соч. – С. 270.

⁵⁰⁹ Подробнее см.: Репинский Г.К. К истории русской геральдики // РС. – 1897. – № 1. – С. 111–112.

⁵¹⁰ *Boulitchoff J. Essai sur l'art du blazon.* – SPb., 1855. Издание было чрезвычайно редким, поэтому о существовании его анонимного русского перевода (*Булычов И.Д.*] Геральдика. – Б.м. и г.) долгое время не было известно. Видный библиофил Д.В. Ульянинский ошибочно идентифицировал его как сочинение И.П. Сахарова (Библиотека Д.В. Ульянинского. – Т. 3. – С. 1433–1434). В дальнейшем он отказался от своей точки зрения, но обнародовать новую позицию в печати не успел (*Лукомский В.К.* Библиографический указатель русской литературы по геральдике до 1917 года // Гербовед. – 1996. – № 9. – С. 117).

циональных особенностей гербов. Такая позиция определялась общей тенденцией патриотического отношения к русской истории и к гербам в частности⁵¹¹. С приходом к руководству герботворчеством в 1857 г. уроженца Германии Б.В. Кёне, назначенного управляющим Гербовым отделением Департамента Герольдии, эти идеи были оставлены, поскольку он считал необходимым привести гербы России в строгое соответствие с европейскими нормами, ориентируясь на немецкую иконографическую модель. Сложилась ситуация, при которой практика опиралась на германский образец, а историография (в лице А.Б. Лакиера и И.Д. Булычова) – на французский.

По мере формирования научного подхода к изучению гербов вопрос о правилах составления терял самоценный характер, интерпретируясь как вспомогательный по отношению к познавательному процессу. Постепенно нарастало недовольство практикой официального герботворчества⁵¹², в том числе терминологией бланжирования. Историографически оно отразилось в замене официальных описаний составленными самостоятельно, «правильными». Такая тенденция проявилась, хотя и эпизодически, уже в труде А.Б. Лакиера, корректировавшего описания гербов, взятые из «Общего гербовника»⁵¹³. В конце XIX в. П.П. фон Винклер публиковал параллельно два описания – «старое» и «современное». Последнее, составленное самолично, он считал более научным и точным⁵¹⁴.

На протяжении второй половины XIX в. отношение к формальной геральдике заметно менялось. А.Б. Лакиер, следуя своей

⁵¹¹ А.Б. Лакиер писал, что «наши геральдические знаки [...] должны быть дороги для каждого русского как живые памятники происхождения дворянского рода и подвигов, которыми члены его себя ознакомили» (Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 227).

⁵¹² Например, в одной из работ акцентировалось недовольство Николая I качеством исполнения герба капитана А.И. Казарского (*Безродный А.В. О гербах офицеров брига «Меркурий» // РС. – 1898. – № 6. – С. 542*).

⁵¹³ В частности, А.Б. Лакиер заменял оборот «щит разделен горизонтально на две части» на казавшуюся ему более верной формулировку «щит разбит на две части». Ср. герб Шепелевых (Общий гербовник. – Ч. 3. – №. 20; Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 323).

⁵¹⁴ Например, П.П. фон Винклер давал два описания герба дворян Путятиных. «Старое» – «В щите, имеющем серебряное поле, изображена черная фигура на подобие буквы А, на поверхности которой виден острый конец стрелы. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной. Намет на щите серебряный, подложен золотом». «Современное» – «В серебряном щите черная ли-

идее о заимствовании европейской визуальной модели, ограничился сравнительно кратким и поверхностным изложением правил и отказался от обращения к русскому опыту. Положив в основу труды французских ученых (в основном – Ж. Эйзенбаха, отчасти – К.-Ф. Менестрие)⁵¹⁵, он не упомянул, что какие-либо цвета, фигуры или элементы используются в гербах России⁵¹⁶. Напротив, пытаясь найти национальное своеобразие, он выделил специфическую «русскую» форму геральдического щита (овальную или круглую).

В конце XIX в. формальная геральдика признавалась одной из двух составных частей «науки о гербах», которая учит о том, «как должен быть составлен и описан (блазонирован) герб»⁵¹⁷. Тогда же для ее обозначения был введен термин «теоретическая геральдика»⁵¹⁸.

В работах отмечалось, что наивность и непоследовательность многих гербов, составленных в XVIII в., заставляет усомниться в существовании каких-либо определенных правил герботворчества. Только путем сопоставления значительной совокупности гербов становятся ясны формальные основания русской практической геральдики⁵¹⁹. Именно такая задача была поставлена П.П. фон Винклером при кодификации территориальных гербов – «указать правила русской геральдики», «найти законы, на основании которых создавались наши гербы», установить их соотношение с западной моделью⁵²⁰. Иначе говоря, эвристическая задача разрешалась геральдистом в контексте историко-визуальных проблем дисциплины.

Соотношение европейской формальной модели и отечественного практического опыта в полной мере отразилось в неокончен-

тера А, увенчанная острием стрелы. Щит увенчан коронованным шлемом. Намет червлёный с серебром» (Винклер П.П. фон. Родословия русского дворянства. Дворяне и графы Путятины. – СПб., 1895. – С. [6]). См. также: *Он же*. Родословия русского дворянства. Дворяне Казнаковы. – СПб., 1895. – С. 6.

⁵¹⁵ Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 38.

⁵¹⁶ Исключение составлял герб рода Храповицких, упомянутый в формальном разделе дважды (Там же. – С. 43, 48).

⁵¹⁷ Винклер П.П. фон. Русская геральдика. – Вып. 1. – С. [7].

⁵¹⁸ Обоснование использования термина «формальная геральдика» в настоящем исследовании см. на с. 75.

⁵¹⁹ Винклер П.П. фон. Гербы городов... – С. [1].

⁵²⁰ Там же.

ном труде П.П. фон Винклера «Русская геральдика»⁵²¹. Автор систематизировал гербы дворянства по иконографическим основаниям – элементам герба, цветам, делениям щита, геральдическим и негеральдическим фигурам. Заимствованная из западной историографии структура изложения формальных правил экстраполировалась на реальное геральдическое пространство нашей страны. Независимо от желания П.П. фон Винклера, который постулировал существование особой русской (по его терминологии славянской) геральдики, такое распределение объективно демонстрировало единство герботворчества по всей Европе, включая Россию.

С другой стороны, П.П. фон Винклер адаптировал западные традиции к русскому материалу, стремился дать образец терминологии и формальных правил, которые позволяли бы «правильно», научно полноценно блазонировать. Он ввел несколько новых терминов (например, «финифть» для обозначения цвета), существенно расширил представления о возможных фигурах. Он назвал около 200 негеральдических фигур – больше, чем кто-либо другой из русских авторов. К ним причислялись такие нетрадиционные для европейского опыта изображения, как турухтан, щука, береза, остров и др. Одновременно П.П. фон Винклер корректировал, хотя и не вполне последовательно, некоторые устаревшие традиции. Вопреки устоявшейся практике он отнес дельфина и кита к группе млекопитающих (средневековая геральдика причисляла их к рыбам), но сохранил среди «естественных», т. е. реальных фигур, дьявола и ангела. Используемую до сих пор структуру приобрела у П.П. фон Винклера систематизация геральдических фигур: сначала разделение на два типа (геральдические и негеральдические), а затем первых – на почетные и простые, а вторых – на естественные, искусственные и фантастические.

Труд П.П. фон Винклера сыграл заметную роль в формировании геральдической эвристики, все более активно развивавшейся в конце XIX в. Выделение ее как целенаправленной области работы связано, в первую очередь, с потребностями герботворчества, а не научного знания. По мере количественного роста геральдического пространства (преимущественно за счет родовых гербов) обострилась проблема отыскания необходимых изображений, а также ис-

⁵²¹ Винклер П.П. *Русская геральдика*. – Вып. 1–3.

ключения возможных совпадений при составлении новых символов. Для решения этой задачи в 1880-е – 1890-е гг. появилось несколько справочно-информационных изданий⁵²². Они были тематически разнообразны, но составлялись хаотично, поэтому кардинально вопроса отыскания нужного герба не решали, не всегда соответствуя перспективам модернизации эвристического направления⁵²³. Как попытку создания локальной поисковой системы можно расценивать перечни девизов, изданные Департаментом Герольдии. Однако данный элемент имелся не во всех гербах, вероятность идентификации по нему практически оказывалась небольшой⁵²⁴.

Труд П.П. фон Винклера «Русская геральдика» отличался от них методически. Во-первых, он преследовал научные цели, хотя и понимаемые автором своеобразно. Во-вторых, в нем использовался новый прием, при котором составление справочника исходило не из имеющегося материала, а из формальной структуры герба. Идею надо признать удачной, поскольку при благоприятном стечении обстоятельств система могла помочь в установлении принадлежности неизвестных гербов (например, если в гербе имелось изображение медведя, то в справочнике можно было найти несколько родовых гербов с медведем, и один из них мог совпасть с определяемым). Предложенная П.П. фон Винклером структура являлась не столько информационной, сколько справочно-поисковой. Созданная на основе локальных данных методически она обозначила прогрессивные изменения в развитии дисциплинарной эвристики. В дальнейшем аналогичный прием П.П. фон Винклер применил по отношению к территориальным гербам, придав системе еще более

⁵²² См., например: Указатель к «Общему гербовнику...». – СПб., 1888 и др.

⁵²³ Наиболее показательна в этом отношении попытка опубликовать сводный указатель к тринадцати томам «Общего гербовника дворянских родов» (Дворянские роды, внесенные в «Общий гербовник Всероссийской империи», начатый в 1797 г. // ДАК на 1898 г. – Т. 1. – СПб., 1898. – Стлб. 149–208). Публикация повторяла структуру указателя 1839 г., давая алфавитные перечни родов по каждому тому отдельно вместо сводного списка. См. сноску 425.

⁵²⁴ Девизы русских гербов. – СПб., 1882; Горн В.Э. Девизы Высочайше утвержденных гербов русского дворянства. – СПб., 1891. Имелись аналогичные публикации частного характера: Девизы русских гербов // ДАК на 1898 г. – Т. 2. – СПб., 1898. – С. 1–12. Известны также рукописные списки девизов, один из них, находящийся в фонде Д.А. Милютина (ОР РГБ. – Ф. 169. – К. 96. – Д. 45. – Л. 1–22), был недавно опубликован, см: Гербовед. – 2002. – № 58. – С. 70–80.

обобщенный вид, поскольку по эмблемам распределялись не описания и рисунки гербов, а названия городов⁵²⁵. Объективно справочник ставил проблемы совершенствования формальных оснований отечественной научной геральдики.

В труде П.П. фон Винклера «Русская геральдика» наиболее ярко для XIX в. проявились элементы структуралистского подхода к геральдическому материалу. Структурализм, как направление гуманитарного знания, сформировался позже, в 1920-е гг. Однако герб, являясь набором взаимодействующих, взаимозаменяемых, информационно насыщенных элементов (щит, корона, нашлемник, щитодержатели, девиз и др.) представлял собой идеальную модель для структуралистского дискурса, что обусловило тяготение научной геральдики к подобной методологии и ее раннее использование.

П.П. фон Винклер разделил каждый герб на элементы и организовал из них некое пространство. Структура герба оказалась в основе систематизации и анализа самого явления. Выделение отдельных элементов встречалось в геральдических исследованиях и ранее. Тот же А.Б. Лакиер обособлял эмблемы, которые указывали на происхождение рода, но этот прием имел, как и в некоторых других публикациях второй половины XIX в., исключительно вспомогательное значение. Для П.П. фон Винклера наоборот – именно структуралистский подход стал основной и целенаправленной методикой. Возможно, на геральдиста оказали влияние аналогичные зарубежные труды, вроде справочника Т. Ренесса⁵²⁶, которые эмблематически структурировали национальные геральдические пространства. Во всяком случае, с конца XIX в. элементы структуралистской методологии заняли в отечественном гербоведении вполне устойчивые позиции.

В историографии второй половины XIX – начала XX в. обозначились факторы, способствовавшие интенсификации научной эволюции дисциплины. Прежде всего, это была ориентация на источниковедение, которая должна обеспечить полноту и объективность геральдического знания. Привлечение различных типов источников оказалось диспропорциональным. Предпочтение отдавалось вещественным памятникам, что обусловлено, с одной стороны,

⁵²⁵ Винклер П.П. фон. Гербы городов... – С. 7–38.

⁵²⁶ Renesse T. Dictionnaire des figures héraldiques. – Bruxelles, 1894–1902. – V. 1–7.

концептуальными построениями А.Б. Лакиера, для которого печати и монеты имели доминантное познавательное значение, а с другой – недоступностью многих архивных, письменных материалов.

Первенствующее значение вещественных памятников при изучении русского геральдического пространства подчеркивал член-корреспондент Петербургской Академии наук И.П. Сахаров. Исследователь выделил их основные виды: 1) иконы; 2) «изваяния»; 3) деревянные предметы; 4) «гербы» (подразумевались изображения на книгах); 5) литые медные предметы; 6) печати и перстни; 7) монеты; 8) старая русская утварь (предметы декоративно-прикладного искусства)⁵²⁷. Эта систематизация предназначалась для изучения московской символики, но, с небольшими поправками, имела универсальный характер⁵²⁸. Она несовершенна, в ней отсутствовал единый критерий разделения, но при решении конкретных исследовательских задач она оказывалась вполне приемлемой.

И.П. Сахаров, А.Б. Лакиер и другие признавали ценность письменных источников, но на практике вынуждены были довольствоваться имевшимися публикациями, отказываясь от полноценного использования архивных материалов. Осознание острой потребности в новых источниках определило тот факт, что во второй половине XIX в. обнаружение одного письменного текста могло стать единственным поводом для публикации геральдической работы⁵²⁹.

В 1843 г. получила логическое завершение публикация законодательных актов о территориальной геральдике. В качестве приложения к «Полному собранию законов Российской империи» было издано 544 рисунка уездных и губернских гербов⁵³⁰. Они дополнили

⁵²⁷ Сахаров И.П. Указ. соч. – С. 17–26.

⁵²⁸ В рукописи о российском государственном гербе И.П. Сахаров называл своими источниками изображения на монетах, печатях, зданиях, военных доспехах, посуде, камне, бытовых и церковных предметах (ОР РГБ. – Ф. 268. – К. 1. – Д. 10. – Л. 23–24, 27, 29–32 об., 36, 38–40).

⁵²⁹ При этом не все материалы по конкретному сюжету могли быть известны авторам. Например, А.В. Безродный опубликовал небольшую заметку о гербах офицеров брига «Меркурий», половину которой составляла цитата из письма генерал-адъютанта В.Ф. Адлерберга министру юстиции князю А.А. Долгорукову (*Безродный А.В.* Указ. соч.). В 1914 г. С.Н. Троицкий опубликовал полную подборку источников по той же теме (Гербы командира и офицеров брига «Меркурия» // *Гербовед*, 1913–1914 г. – С. 381–388).

⁵³⁰ ПСЗ. – Собр. 1-е. – Книга чертежей...

ранее опубликованные описания визуальным рядом. Это первый в России печатный справочник, посвященный территориальной геральдике; к нему восходили многие иллюстрации трудов XIX–XX вв. Статус издания оказался двойственным. Фактически являясь гербовником, формально оно оставалось не более чем приложение к правовым актам. Как и в случае с «Общим гербовником дворянских родов», публикация преследовала сугубо прагматические цели, но объективно оказалась важным фактором развития научной геральдики.

Расширение круга архивных источников началось в 1880-е гг. В библиотеке Казанского университета был обнаружен Гербовник А.Т. Князева, который сразу же, при первом описании в научной печати, получил высокую оценку в качестве источника⁵³¹. Уже через несколько лет сведения из него использовались для изучения герба князей Голицыных⁵³².

Для геральдических исследований начали привлекаться материалы не только центральных, но и региональных архивов. Так, работа В.П. Юрьева о вятском гербе полностью основывалась на архиве соответствующего губернского правления⁵³³.

Во второй половине XIX в. продолжалась публикация геральдических источников вещественного типа⁵³⁴. Среди них основное место занимали сфрагистические альбомы. В 1858 г. вышел в свет свод воскомастичных печатей XIV–XVIII вв., сохранившихся в Московском архиве Министерства юстиции⁵³⁵, в 1880 г. – сборник снимков печатей из другого крупнейшего хранилища – Московского главного архива Министерства иностранных дел⁵³⁶, а также ряд частных публикаций. Наибольший интерес проявлялся к печатям XVI–XVII

⁵³¹ *Артемов А.И.* Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Императорского Казанского университета. – СПб., 1882. – С. 14–19.

⁵³² *Голицын Н.Н.* кн. Род князей Голицыных. – Т. 1. – СПб., 1892. – С. 479.

⁵³³ *Юрьев В.П.* История герба города Вятки. – Вятка, 1886.

⁵³⁴ Журнал 84-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 6 ноября 1901 г. – [Тверь, 1902]. – С. 22–23; *Опись Московской Оружейной палаты.* – М., 1884–1893. – Т. 1–7.

⁵³⁵ *Иванов П.И.* Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. – М., 1858.

⁵³⁶ Снимки древних русских печатей: государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. – М., 1880. – Вып. 1.

вв., что способствовало выяснению достоверной иконографической эволюции и генезиса гербов. В конце XIX – начале XX в. появились описания частных сфрагистических собраний (И.К. Антошевского, К.В. Болсуновского, Н.Ф. Романченко)⁵³⁷. Некоторые из них ориентировались на потребности геральдического источниковедения. Для изучения геральдики Юго-Западной Руси большое значение имело издание К.В. Болсуновского, введившее в оборот неизвестные сфрагистические и фалеристические памятники.

Внимание к изучению печатей усилилось благодаря А.Б. Лакиеру⁵³⁸, после которого они получили статус исторического источника. Историк дворянства граф Г.А. Милорадович оценивал как значимый геральдический источник печати, скреплявшие завещания⁵³⁹. Сфрагистические материалы в комплексе с письменными источниками успешно использовались для изучения конкретных сюжетов. Удачную модель подобного сфрагистическо-геральдического дискурса являло, например, исследование А.П. Барсукова, раскрывавшее историю печати Малороссийской коллегии, которая состояла из территориальных эмблем⁵⁴⁰.

Расширение круга источников происходило также за счет публикаций, посвященных другим специальным историческим дисциплинам. В частности, в фундаментальном труде А.В. Висковатова об униформе и вооружении русской армии вводились в научный оборот описания полковых знамен XVIII в. с изображениями территориальных гербов. В их числе был знаменный гербовник 1712 г.⁵⁴¹ и список гербов, составлявших так называемый Гербовник Б.К. Миниха. Его впервые упомянул именно А.В. Висковатов. Совокупность доступных источников дополняли также фили-

⁵³⁷ Болсуновский К.В. Сфрагистические и геральдические памятники Юго-Западного края. – Киев, 1899–1914. – Вып. 1–3; Антошевский И.К. Надписи и девизы на русских печатях частных лиц. – СПб., 1903; Романченко Н.Ф. Надписи и девизы на русских печатях моего собрания. – СПб., 1905.

⁵³⁸ Очерки истории исторической науки в СССР. – Т. 2. – С. 681.

⁵³⁹ Милорадович Г.А. гр. Сфрагистическая заметка // Черниговские губернские ведомости. – 1858. – № 9. – С. 77–78.

⁵⁴⁰ Барсуков А.П. Правительственные печати в Малороссии от времен Стефана Батория до Екатерины II // Киевская старина. – 1887. – № 9. – С. 90–92.

⁵⁴¹ [Висковатов А.В.] Историческое описание одежды и вооружения российских войск. – Ч. 2. – СПб., 1841. – С. 106–115; переизд.: [Висковатов А.В.] Историческое описание одежды и вооружения российских войск. – Ч. 2. – М., 2007. – С. 84–92.

гранологические пособия⁵⁴², содержавшие информацию о гербах, использованных на водяных знаках. Однако они не были оценены по достоинству и не нашли широкого применения в гербоведении. Определенное значение могли иметь также публикации документов по книговедению, если они касались геральдических изданий (например, о распространения в начале XVIII в. книги «Символы и эмблемата»⁵⁴³).

На рубеже XIX–XX в. началась повторная публикация геральдических текстов. В частности, оказались переизданы труды, стимулировавшие новое осмысление отечественного гербового наследия: книги И.-Х. Гаттерера и А.В. Висковатова, текстуальная часть «Общего гербовника дворянских родов»⁵⁴⁴. Последняя публикация вызвала упреки рецензентов тем, что описания гербов не сопровождалась рисунками⁵⁴⁵.

Самым заметным событием в источниковедении первых годов XX в. являлась публикация «Титулярника» 1672 г.⁵⁴⁶, незаменимого для изучения генезиса территориальных гербов. Основной ее недостаток заключался в том, что большинство рисунков воспроизводилось в черно-белом варианте, хотя цвет имеет для любого геральдического изыска существенное значение. Альбом иллюстраций «Титулярника» – первое крупное археографическое мероприятие в области отечественной научной геральдики. В отличие от «Общего гербовника дворянских родов» или «Полного собрания законов Российской империи» оно преследовало исключительно познавательные цели, не представляя никакого интереса для государственных структур.

Несмотря на несомненные достижения в источниковедческой и археографической сферах гербоведение второй половины XIX – начала XX в. страдало несколькими серьезными недостатками. Ис-

⁵⁴² Лихачев Н.П. Бумага и бумажные мельницы в Московском государстве. – СПб., 1891; Он же. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. – СПб., 1899. – Ч. 1–3.

⁵⁴³ Материалы для истории русской и иностранной библиографии...

⁵⁴⁴ Висковатов А.В. Указ. соч. – СПб., 1899–1902. – Ч. 1–19; Гаттерер И.-Х. Указ. соч. // ДАК на 1898 г. – Т. 2. – СПб., 1898. – С. 28–113; ДАК на 1899 г. Приложение. – СПб., 1899. – Отд. 3. – С. 1–87; Бобринский А.А. *гр.* Дворянские роды, внесенные в «Общий гербовник Всероссийской империи». – СПб., 1890. – Ч. 1–2.

⁵⁴⁵ М. [Рецензия] // Киевская старина. – 1890. – № 4. – С. 190.

⁵⁴⁶ Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. – СПб., 1903.

точники подвергались анализу редко и непоследовательно. Необходимость «критической проверки» гербов подчеркивалась еще в 1850-е гг.⁵⁴⁷, но на практике оказалась декларацией. Ограниченность источниковедческой основы и отсутствие критического отношения к эмпирике приводили к фактическим неточностям и грубым ошибкам. Например, В.П. Юрьев отнес возникновение вятского герба к правлению Петра I и связал с изображением на печати 1710 г.⁵⁴⁸, хотя на самом деле эмблемы восходили к печати Ивана IV, а изображение вятской эмблемы имелось в «Титулярнике» 1672 г. Курьезные ошибки были допущены Ф.И. Булгаковым в энциклопедической статье «Герб»⁵⁴⁹. Автор продемонстрировал полную некомпетентность и в формальной геральдике (острие и стропило называл «нашивками», беличий мех – «шлемиками» и т. п.), и в истории русской геральдики (утверждал, например, что титульные гербы на крыльях двуглавого орла появились при Иване III, хотя реально это произошло только в конце XVII в.).

Знаковым событием в научной эволюции дисциплины стала публикация работ по ее истории, положившая начало формированию соответствующего раздела.

История дисциплины ассоциировалась преимущественно с деятельностью специализированных учреждений – Герольдмейстерской конторы и Герольдии. Первоначальное обращение к их истории могло быть продиктовано практическими потребностями. Доказывая необходимость изменения порядка и размера пошлин, взимаемых с документов, которые выдавал Департамент Герольдии, статский советник А.И. Габерзанг⁵⁵⁰ написал, по сути, первый обстоятельный труд, касавшийся истории русской геральдики. Более опосредованную связь с практической деятельностью департамента имела статья сенатора Г.К. Репинского⁵⁵¹, подготовившего краткий обзор работ о формальных правилах геральдики середины XIX в.

Статьи о геральдистах, содержавшие оценку их трудов, опубликовали многие справочники 1880 – начала 1900-х гг.: «Энциклопедический словарь», выпускавшийся Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном,

⁵⁴⁷ Сахаров И.П. Указ. соч. – С. 20.

⁵⁴⁸ Юрьев В.П. Указ. соч.

⁵⁴⁹ Булгаков Ф.И. Указ. соч. – Т. 1. – С. 191–193.

⁵⁵⁰ Габерзанг А.И. Указ. соч. – С. 1–83.

⁵⁵¹ Репинский Г.К. Указ. соч.

«Русский биографический словарь» и др.⁵⁵². Тогда же сформировался перечень специалистов, отражавшихся в подобных изданиях. Среди них оказались как геральдисты-практики (граф Ф. Санти, А.Т. Князев), так и гербоведы (барон Б.В. Кёне, А.Б. Лакиер). Список этот сохранился и в дальнейшей справочной литературе⁵⁵³.

Значительным событием в научной жизни рубежа веков стала первая в России геральдическая выставка, проходившая в Митаве в 1903 г. Она вызвала многочисленные отклики в прессе⁵⁵⁴.

Однако все это были разрозненные работы, не дававшие общего и последовательного представления ни о развитии геральдической мысли в России, ни об эволюции герботворчества.

Важным фактором развития научной геральдики на рубеже XIX–XX в. стал библиографический учет дисциплинарной литературы. Первые попытки фиксации работ о гербах относились к середине XIX в. Начиная с 1856 г., они учитывались в справочнике бра-

⁵⁵² Лакиер Александр Борисович // *Геннади Г.Н.* Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях и список русских книг с 1725 по 1825 г. – Т. 2. – Берлин, 1880. – С. 431; Лакиер Александр Борисович // *Энциклопедический словарь.* – Т. 33. – СПб., 1896. – С. 261; Кёне Борис Васильевич барон // Там же. – Т. 28. – СПб., 1895. – С. 932; [*Иконников В.С.*] Князев Анисим Титович // Там же. – Т. 29. – СПб., 1895. – С. 471–472; Кёне Борис Васильевич барон // *Языков Д.Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. – Вып. 6. – СПб., 1889/1890. – С. 75–76; Кёне Борис Васильевич барон // *Русский биографический словарь.* – Т.: Ибак–Ключарев. – СПб., 1897. – С. 614–615; *Черкас А. Санти Франциск Матвеевич граф* // Там же. – Т.: Сабанеев–Смыслов. – СПб., 1904. – С. 197–198; Кёне Борис Васильевич барон // *Большая энциклопедия.* – Т. 10. – СПб., 1903. – С. 687–688. По содержанию к биографическим статьям примыкали некрологи Б.В. Кёне: *ИВ.* – 1886. – № 4. – С. 261; *Древности: труды Московского археологического общества.* – Т. 11. – Вып. 3. – М., 1887. – С. 97–98. Геральдическая сторона деятельности анализировалась не во всех работах, касавшихся указанных лиц. Например, см: *Барсуков Н.П.* А.Т. Князев. Трудолобец прошлого века // *РА.* – 1885. – № 8. – С. 461–474.

⁵⁵³ Кёне Борис Васильевич барон // *Новый энциклопедический словарь.* – Т. 21. – Пг., [1914]. – Стлб. 470; Лакиер Александр Борисович // Там же. – Т. 23. – Пг., [1914]. – Стлб. 917; Лакиер Александр Борисович // *Русский биографический словарь.* – Т.: Лабзина–Ляшенко. – СПб., 1914. – С. 45.

⁵⁵⁴ *Katalog der Heraldischen Ausstellung in Mitau, 1903.* – Митава, 1903; *Мальмгрен А.Э.* Геральдическая выставка в г. Митаве // *ИВ.* – 1903. – № 12. – С. 1018–1022; [*Он же*]. [Рецензия] // Там же. – С. 1093–1094; Геральдическая выставка в Митаве // Там же. – С. 1126–1127; *Лудмер Я.* Генеалогическая выставка в Митаве // *Московские ведомости.* – 1903. – № 352. – С. 4–5.

твев Ламбиных⁵⁵⁵. Ввиду малочисленности такие труды объединялись в один отдел с самыми близкими в понимании XIX в. публикациями по генеалогии. Рост количества исследований, изменение отношения к геральдике, общее развитие исторической библиографии способствовали выделению самостоятельного раздела о гербах в указателе В.И. Межова⁵⁵⁶, который охватывал литературу не только на русском, но и на иностранных языках, если она касалась России. В нем геральдические работы соединялись с трудами, посвященными знакам отличия. В конце XIX – начале XX в. геральдика отразилась в библиографических пособиях Л.М. Савелова по истории русского дворянства⁵⁵⁷. Учет дисциплинарной литературы в XIX в. был во многом случаен. Геральдические публикации попадали в поле зрения библиографов и становились объектом фиксации, но целенаправленного их выявления не велось.

Во второй половине XIX в. элементы источниковедческого анализа часто исчерпывались формальными сопоставлениями сведений из различных источников или цитированием. Поверхностное отношение предопределялось общим состоянием источниковедения, не накопившего достаточного эпистемологического и методического опыта. Однако несмотря на объективные трудности именно во второй половине XIX в. были заложены основы геральдического источниковедения и геральдической археографии, а также тесно связанных с ними разделов по истории и библиографии дисциплины.

⁵⁵⁵ Ламбин Б.П., Ламбин П.П. Русская историческая библиография, 1856 г. – СПб., 1861. – С. 110–111; *Они же*. Русская историческая библиография, 1857 г. – СПб., 1865. – С. 122; *Они же*. Русская историческая библиография, 1858 г. – СПб., 1867. – С. 121–122; *Они же*. Русская историческая библиография, 1864 г. – СПб., 1884. – С. 290.

⁵⁵⁶ Межов В.И. Русская историческая библиография: указатель книг и статей по русской и всеобщей истории и вспомогательным наукам за 1800–1854 гг. – Т. 2. – СПб., 1893. – С. 283–284; *Он же*. Русская историческая библиография: указатель книг и статей по русской и всеобщей истории за 1865–1876 гг. – Т. 5. – СПб., 1885. – С. 220–222.

⁵⁵⁷ Савелов Л.М. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. – 2-е изд. – Острогжск, 1898; *Он же*. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию российского дворянства. – 1-ое доп. – М., 1904; *Он же*. Библиографический указатель по истории, геральдике и родословию тульского дворянства. – М., 1904.

Государственной символике России в середине – второй половине XIX в. уделялось самое пристальное внимание. Появились специальные работы, претендовавшие на ее всесторонний анализ, а в конце 1850-х гг. Б.В. Кёне разработал план изучения государственного герба⁵⁵⁸. Предполагалось, что будет подготовлено исследование из четырех частей, но опубликованы были только первая и вторая – о московском и государственном гербах⁵⁵⁹. Разделы о титульных гербах (отдельно – славянских и иностранных) в свет не вышли. Анализ истории государственной символики предпринимался также в трудах А.Б. Лакиера, П.П. фон Винклера, А.В. Орешникова, Е.Н. Воронца и др. Обстоятельное исследование о государственном гербе подготовил И.П. Сахаров⁵⁶⁰. Оно должно было стать второй частью «Записки о русских гербах», логически продолжив раздел о московском гербе, но осталось в рукописи.

Широко использовалась версия о византийском происхождении двуглавого орла⁵⁶¹. Особенно активно разрабатывал ее И.П. Сахаров. С одной стороны, он стремился максимально полно учесть аргументы, приводившиеся в предыдущих трудах, с другой – обнаружить в источниках новые доказательства византийских истоков символа. Положение о генеалогических основаниях рецепции орла И.П. Сахаров связывал с тезисом о происхождении великих князей московских от римского императора Августа. Факт заимствования орла из Византии он рассматривал в контексте усвоения византийской культуры, обычаев, церемониала. Однако теория И.П. Сахарова была сложнее простого дополнения ранее высказанных мнений. Он знал об использовании двуглавого орла в других странах

⁵⁵⁸ *Koehne B. de. Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie.* – Berlin, 1860.

⁵⁵⁹ *Koehne B. von. Vom Doppeladler // Berliner Blätter für Münz-Siegel und Wappenkunde.* – Bd. 6. – Berlin, 1871/1873. – S. 1–26; *Koehne B. von. Ueber den Doppel-Adler.* – Berlin, 1871; *Koehne B. von. Das Kaiserlich Russische Reichs-Wappen. Reiter und Doppel-Adler.* – Berlin, 1882.

⁵⁶⁰ ОР РГБ. – Ф. 268. – К. 1. – Д. 10. – Л. 1–18.

⁵⁶¹ *Лакиер А.Б. О российском государственном гербе.* – С. 650; *Снегирев И.М. Еще несколько слов о московском гербе // Московские ведомости.* – 1853. – 9 июня. – № 69. – С. 707; *Он же. О московском гербе.* – [М., 1853]. – С. 2–3; *Koehne B. de. Notice sur les sceaux...; Винклер П.П. фон. Государственный орел // Энциклопедический словарь.* – Т. 17. – СПб., 1893. – С. 412; К московской геральдике // РА. – 1895. – № 5. – С. 92; *Воронец Е.Н. Указ. соч.* – С. 20–22; *Орешников А.В. Материалы к русской нумизматике доцарского периода // Труды Московского нумизматического общества.* – Т. 2. – Вып. 1. – М., 1899. – С. 11, 12.

и отмечал возможность стимулирующего влияния европейского опыта, когда «дипломатические посольства, заведенные им [Иваном III. О.Н.] с западными государствами, доставили ему сведения о водворении византийского герба в Сербии и Черногории на основании родственных связей»⁵⁶². Историк согласовывал появление символа в XV в. с концепцией А.Б. Лакиера о древности русских гербов, декларируя связь между ним и одноглавым орлом, известным на Руси издавна. От анализа значения символа И.П. Сахаров уклонился, сославшись на противоречивость сведений у авторов и отсутствие источников.

В конце XIX в. расширилась источниковедческая база изучения государственного герба, были опубликованы материалы (прежде всего нумизматические), которые вносили коррективы в устоявшиеся представления о происхождении двуглавого орла и отдельные датировки. А.В. Орешников установил два важнейших факта: что первое изображение орла как воспроизведение восточной эмблемы на русской монете относилось к концу XIV в. и что аналогичное существо чеканилось на тверских монетах XV в.⁵⁶³. Он считал, что тверской князь Михаил Борисович поместил на монете двуглавого орла в подражание Ивану III, который начал употреблять византийский герб после женитьбы.

Во второй половине XIX в. совершенствовались методические приемы изучения государственной символики. А.Б. Лакиер понимал историю герба России как модификацию изображения на сфрагистических памятниках и даже соответствующую главу назвал «История герба государственной печати»⁵⁶⁴. Эту методику использовали также П.П. фон Винклер и Е.Н. Воронец⁵⁶⁵.

⁵⁶² ОР РГБ. – Ф. 268. – К. 1. – Д. 10. – Л. 9.

⁵⁶³ Орешников А.В. Русские монеты до 1547 г. – М., 1896. – С. 52–53; *Он же*. Материалы к русской нумизматике доцарского периода... – С. 11–14. А.В. Орешников считал тверское изображение заимствованным из Великого княжества Московского и датировал чеканку монет периодом с 1472 (после брака Ивана III с Софьей Палеолог) по 1486 (после присоединения Тверского княжества к Москве) гг. В настоящее время, после установления В.А. Кучкиным даты изготовления матрицы московской печати с двуглавым орлом (1490 г.), эту версию можно считать полностью отвергнутой.

⁵⁶⁴ Лакиер А.Б. Указ. соч. – С. 136.

⁵⁶⁵ Винклер П.П. фон. Государственный герб // Энциклопедический словарь. – Т. 17. – СПб., 1893. – С. 405–408; *Он же*. Государственный орел. – С. 411–413; Воронец Е.Н. Указ. соч. – С. 22–26, 39–41.

А.Б. Лакиер заложил еще одну методическую традицию анализа государственной символики. Подчеркивая неразрывную связь между гербом и двуглавым орлом, фактически он разделил их как предмет исследования. Орел представлялся ядром символики, ее инвариантным началом, а герб, как понятие общего порядка, оказывался более мобилен и подвержен иконографическим модификациям, которые обусловлены «причинами историческими». Аналогичного понимания придерживался П.П. фон Винклер, опубликовавший в «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона две самостоятельные статьи – о государственном гербе и о двуглавом орле. Под изменениями государственного герба подразумевалась модификация элементов (шлема, намета, щитодержателей и др.) и фигур, сопровождавших орла, но главное – дополнение основного изображения так называемыми титульными гербами, т. е. гербами губерний и областей, названия которых входили в императорский титул.

В XIX в. государственный герб приобрел особое идеологическое значение, и этот процесс нашел отражение в историографии. Для И.П. Сахарова вопрос о происхождении двуглавого орла кроме познавательного имел еще национальный аспект и существенную политическую актуальность. «Наш ли этот герб, исконный символ величия Русской земли, славы и могущества Великих князей, царей и императоров Всероссийских? Вот современный вопрос, предлагаемый нам русскими и чужестранцами», – писал он⁵⁶⁶. В историографии подчеркивалась мысль, что и государи, и весь народ «чтили» российский герб, что такой культ является «историчным, юридичным и естественным». Государственный символ был приравнен к «священным идеалам народным», а в системе патриотических ценностей находился в одном ряду с понятиями царь и Отечество.

Факт заимствования двуглавого орла из Византии в данной идеологической системе приобретал политическую трактовку, означая исходный момент могущества и государственного величия России, обусловленного принятием христианских идеалов. Доказывались юридические основания использования в России «византийского герба». По мнению Е.Н. Воронца, Иван III принял герб Византии как «внешний знак новых правовых отношений Руси к Гре-

⁵⁶⁶ ОР РГБ. – Ф. 268. – К. 1. – Д. 10. – Л. 4.

ции и Константинополю»⁵⁶⁷. В заимствовании символа виделось визуальное проявление слияния исторических задач Византии и Руси, которые заключались, в первую очередь, в сохранении истинных принципов православной веры, в идее мессианства, воплощении доктрины «Москва – Третий Рим»⁵⁶⁸. В конце XIX в. государственный герб стал восприниматься не только как исторический и политический символ, но как средство пропаганды, способствующее укреплению государственной идеологии и монархической идеи⁵⁶⁹. В юридическом аспекте он декларировался как явление, относящееся к сфере государственного права⁵⁷⁰.

Использование территориальных символов послужило основанием для истолкования государственного герба как эмблемы всего государства «во всем пространстве, со всеми гражданами»⁵⁷¹. Государственный герб в такой интерпретации указывал на весь русский народ, на единство территории, демонстрировал, какие земли составляют ее, и, в конечном счете, подчеркивал могущество Российской империи. Высказывалась мысль о случайности расположения титульных гербов, не дающей возможности «представить последовательность образования великого государственного тела обширнейшего в мире государства в двух частях света»⁵⁷². Государственному гербу придавалось геополитическое значение. Такое отношение формировалось постепенно и нашло наиболее полное выражение в работах Е.Н. Воронца, которые появились в связи с 400-летием первого на Руси изображения двуглавого орла в государственной печати. Юбилей был отмечен публикациями не столько научного, сколько популярного характера⁵⁷³.

⁵⁶⁷ Воронец Е.Н. Указ. соч. – С. 22.

⁵⁶⁸ Там же. – С. 22, 42, 46.

⁵⁶⁹ Аналогичное истолкование давалось московскому гербу, входившему в состав государственного герба. И.П. Сахаров писал, что он означает «беспредельное повиновение монархической власти» (ОР РГБ. – Ф. 268. – К. 1. – Д. 9. – Л. 35).

⁵⁷⁰ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. – Т. 1. – СПб., 1892. – С. 157; Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. – Ч. 1. – Киев, 1886. – С. 152; Андреевский И.Е. Русское государственное право. – Т. 1. – СПб., 1886. – С. 156.

⁵⁷¹ Воронец Е.Н. Указ. соч. – С. 38.

⁵⁷² Петров П.Н. История родов русского дворянства. – Т. 1. – М., 1991. – С. 313.

⁵⁷³ Московские ведомости. – 1897. – Июль. – № 204; Правительственный вестник. – 1897. – 31 июля. – № 168; 1 авг. – № 169; Воронец Е.Н. Указ. соч. – Харьков, 1897;

В периодической печати отразились обе реформы государственной символики, проведенные во второй половине XIX в.: 1856 и 1882–1883 гг. Утверждение новых визуальных вариантов сопровождалось публикацией соответствующих юридических актов в «Полном собрании законов»⁵⁷⁴. Описания настолько широко воспроизводились в периодической печати⁵⁷⁵, что их можно расценивать как первую пропагандистскую кампанию в области геральдики, которая коснулась не только собственно государственной символики, но и входивших в ее состав территориальных гербов. В популярном журнале «Всемирная иллюстрация» состоялись две серии публикаций о титульных гербах: в 1869–1871 гг.⁵⁷⁶ и в 1880–1884⁵⁷⁷ гг. В пер-

Лопухин Ф. Наш государственный герб. По поводу его четырехсотлетия // Новь. – 1897. – № 20. – С. 503.

⁵⁷⁴ ПСЗ. – Собр. 3-е. – Т. 2. – СПб., 1886. – С. 371, 433–436; Т. 3. – СПб., 1886. – С. 53.

⁵⁷⁵ Описание высочайше утвержденных украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов // Санкт-Петербургские ведомости. – 1857. – № 216; Подробное описание государственного герба и государственной печати // Русский инвалид. – 1857. – 22 июня. – № 134. – С. 558–559; 23 июня. – № 135. – С. 562–563; 25 июня. – № 136. – С. 566–567; Подробное описание государственного герба и государственной печати // Санкт-Петербургские ведомости. – 1857. – 19 июня. – № 132. – С. 690; 21 июня. – № 134. – С. 697–698; 22 июня. – № 135. – С. 703.

⁵⁷⁶ Герб Армении // Вс. ил. – 1871. – Т. 5. – № 21. – С. 339; Герб Астраханской губернии // Там же. – 1869. – Т. 2. – № 50. – С. 383; Герб белозерский // Там же. – 1871. – Т. 5. – № 1. – С. 19; Герб Болгарской земли // Там же. – 1870. – Т. 4. – № 90. – С. 655; Герб бывшего Царства Грузинского // Там же. – Т. 3. – № 56. – С. 79; Герб Великого княжества Киевского // Там же. – № 62. – С. 190; Герб Великого княжества Новгородского // Там же. – № 63. – С. 207; Герб Владимирской губернии // Там же. – № 60. – С. 151; Герб вятский // Там же. – Т. 4. – № 86. – С. 591; Герб Угорской земли // Там же. – № 92. – С. 687; Герб Царства Сибирского // Там же. – 1869. – Т. 2. – № 52. – С. 335; Герб Царства Польского // Там же. – № 52. – С. 415; Герб Царства Херсонеса Таврического // Там же. – 1870. – Т. 3. – № 55. – С. 60; Герб Черниговской губернии // Там же. – Т. 4. – № 93. – С. 703; Герб Эстляндской губернии // Там же. – № 88. – С. 623 и др.

⁵⁷⁷ [Герб Акмолинской области] // Вс. ил. – 1880. – Т. 23. – № 21. – С. 419; Герб Амурской области // Там же. – 1881. – Т. 26. – № 24. – С. 471; Герб Архангельской губернии // Там же. – Т. 25. – № 3. – С. 55; Герб Астраханской губернии // Там же. – 1883. – Т. 29. – № 15. – С. 306; Герб Бакинской губернии // Там же. – 1880. – Т. 24. – № 2. – С. 30, 35; Герб Бакинской губернии // Там же. – 1883. – Т. 29. – № 13. – С. 271; Герб Бессарабской губернии // Там же. – 1881. – Т. 26. – № 25. – С. 498; Герб Черниговской губернии // Там же. – 1882. – Т. 27. – № 26. – С. 495; Герб Эриванской губернии // Там же. – 1881. – Т. 25. – № 16. – С. 318; Герб Эстляндской губернии // Там же. – 1883. – Т. 29. – № 8. – С. 171; Герб Якутской области // Там же. – 1881. – Т. 26. – № 9. – С. 163; Герб Ярославской губернии // Там же. – 1883. – Т. 29. – № 5. – С. 111 и др.

вом случае заметки информировали о широком спектре проблем: иконографических, исторических, семантических аспектах герба⁵⁷⁸. Во втором вербальный компонент сводился только к официальным описаниям, поскольку в рамках реформирования русского гербоворчества, предпринятого Б.В. Кёне, особенно важным становилось ознакомление общества именно с новыми иконографическими вариантами, а не акцентирование исторической преемственности.

Критического осмысления реформ в историографии второй половины XIX в. не произошло и произойти, в общем-то, не могло. Геральдический компонент исчерпывался подробными описаниями, реже – панегирическими оценками, в которых подчеркивалось, что новые символы сохранили «историческое существо» русского герба⁵⁷⁹. Скепсис коснулся второстепенного вопроса о введении щитодержателей. В варианте 1856 г. в данном качестве использовались архангелы Михаил и Гавриил. Против этого резко выступил митрополит московский Филарет. Его «мнение» было опубликовано в журнале «Русская старина» через 20 лет после написания⁵⁸⁰, оказавшись в дальнейшем важным аргументом при критике реформ государственной символики середины XIX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. количество геральдических работ возросло, но по годам они распределялись неравномерно. Изучение государственной символики не стало планомерным и преемственным в научном отношении. Увеличение, приходившееся на конкретный год, зависело от стечения субъективных обстоятельств (юбилея, реформы), не будучи проявлением целенаправленного интереса.

Изучение территориальной геральдики стимулировалось введением в научный оборот источников и обобщением фактически-

⁵⁷⁸ Историографическое влияние этих публикаций можно проследить на примере карельского герба. К заметке во «Всемирной иллюстрации» (Герб карельский // Вс. ил. – 1870. – Т. 4. – № 85. – С. 575) восходили статьи в местных изданиях, описывавшие историю герба и подробно разъяснявшие смысл эмблем в связи с реалиями прошлого (Герб Карелии // Олонецкие губернские ведомости. – 1870. – № 40; Герб Карелии // Олонецкий сборник. – Вып. 1. – Петрозаводск, 1875/1876. – Отд. 2. – С. 3–4).

⁵⁷⁹ *Воронец Е.Н.* Указ. соч. – [2-е изд., доп.] – С. 29.

⁵⁸⁰ Мнения московского митрополита Филарета. 1856–1864. I. О некоторых предположениях, относящихся к изменениям в государственном гербе // РС. – 1875. – № 10. – С. 397–400.

го материала. Утверждавшиеся со второй четверти XIX в. городские и губернские гербы публиковались во втором и третьем «Полных собраниях законов Российской империи». В 1858 г. в этом издании были обнаружены собрания рисунков территориальных и государственных гербов⁵⁸¹. В дальнейшем изображения новых символов печатались как приложения к актам об их утверждении. Постепенно значение правовых публикаций для анализа геральдического пространства снижалось. Дело в том, что во втором и третьем «Полных собраниях законов» источников, касающихся территориальной символики, гораздо меньше, чем в первом, которое содержало основной массив информации. По нашим подсчетам, во втором собрании, охватывавшем период с 1825 по 1881 г., городским, губернским и областным гербам посвящено 37 актов, а в третьем, в котором собраны документы с 1881 г. до 1913 г., – всего 16. В них, в основном, отразилась символика окраинных территорий Российской империи – западных, южных, восточных, что характеризует реалии отечественного герботворчества XIX в.

С 1840-х гг. в газетах и журналах сравнительно регулярно публиковались статьи о территориальных гербах. Они способствовали расширению интереса к геральдике в социуме⁵⁸². Не претендуя на анализ, преследуя исключительно прагматические информаци-

⁵⁸¹ ПСЗ. – Собр. 2-е. – Т. 32. – Отд. 2. – СПб., 1858. – Л. 26–135.

⁵⁸² Л-в. История могилевского герба // Могилевские губернские ведомости. – 1842. – № 17. – С. 109–113; О гербе Нижегородской губернии // Нижегородские губернские ведомости. – 1846. – № 14. – С. 53–54; Гербы городов Рязанской губернии // Рязанские губернские ведомости. – 1847. – № 2. – С. 7–8; Описание гербов главных городов Новороссийского края и Бессарабии // Новороссийский календарь на 1849 г. – Одесса, 1848. – С. 411–412; Описание и значение гербов, присвоенных городам Калужской губернии // Калужские губернские ведомости. – 1849. – № 50. – С. 231–232; Громов Г. Описание древних российских гербов // Московские ведомости. – 1850. – № 32. – С. 369; № 39. – С. 453; Герб города Валдая // Новгородский сборник. – Вып. 2. – Новгород, 1855; Абрамов Н. О древних печатях и гербах сибирских городов // Тобольские губернские ведомости. – 1858. – № 47; Описание гербов городам наместничества Пермского // Пермские губернские ведомости. – 1864. – № 21; Гербы городов Самарской губернии // Самарские губернские ведомости. – 1875. – № 11. – С. 259–260; Гербы Олонцкой губернии и ее городов // Олонцкий сборник. – Вып. 1. – Петрозаводск, 1875/1876. – Отд. 2. – С. 4–5; Описание гербов некоторых городов Северного Кавказа // Ставропольские губернские ведомости. – 1876. – № 26. – С. 4; О гербах Минской губернии // Памятная книжка Минской губернии 1878 г. – Ч. 2. – Минск, 1878. – Отд. 4. – С. 106–108.

онные цели, они, обычно, касались не отдельного герба, а геральдического пространства конкретной губернии и состояли из описаний местных гербов, заимствованных из «Полного собрания законов Российской империи». Такое примитивное содержание восходило к изданиям XVIII в. и стабильно сохранялось до начала XX в.⁵⁸³. Однако уже в 1840-х гг. ощущалась потребность в научном анализе территориальных гербов. В статье, упоминавшей о фантастической версии происхождения герба Киева, отмечалась необходимость подвергнуть его «тщательнейшим и подробнейшим ученым изысканиям»⁵⁸⁴.

В 1850-е – 1870-е гг. Б.В. Кёне предпринял масштабную реформу территориального герботворчества. Он считал русские символы не соответствующими европейским иконографическим правилам и предлагал: во-первых, привести их к западному визуальному стандарту; во-вторых, придать им с помощью дополнительных элементов (корон, лент, защитных украшений) информационную насыщенность. Апофеозом деятельности Б.В. Кёне стало утверждение в 1878 г. новых вариантов губернских и областных гербов, которые вошли в красочный гербовник – первый в отечественной историографии самостоятельный и полноценный территориальный справочник⁵⁸⁵.

Немногочисленные работы, которые можно отнести к категории исследовательских, теоретически опирались на концепцию А.Б. Лакиера. Основные ее положения полностью поддерживал И.П. Сахаров, о чем он прямо заявлял в работе о московском гербе. Историк даже развил тезис о самобытности, указав на «религиозные начала» русской геральдики и противопоставляя ее западной, рыцарской, светской⁵⁸⁶. В одном из исследований нижегородский герб безосновательно возводился к печати XV в.⁵⁸⁷, хотя на ней был изображен лев, а на гербе – олень. Тезис о связи городских гербов с печатями повторял П.П. фон Винклер⁵⁸⁸.

⁵⁸³ Линдеман И.К. Старинные гербы городов Тверской губернии // Сборник Тверского общества любителей истории, археологии и естествознания. – Вып. 1. – Тверь, 1903. – С. 297–298.

⁵⁸⁴ С.К. Мнение покойного киевского преосвященного митрополита Евгения... – С. 19.

⁵⁸⁵ Гербы губерний и областей Российской империи. – СПб., 1880.

⁵⁸⁶ Сахаров И.П. Указ. соч.

⁵⁸⁷ О гербе Нижегородской губернии... – С. 218–219.

⁵⁸⁸ Винклер П.П. фон. Гербы городов... – С. I–VIII.

В середине XIX – начале XX в. самым подробно изученным территориальным символом оказался московский герб. Его реальная древность, происхождение от печатей московских князей, государственный статус предоставляли широкие возможности для многоаспектного анализа, а также придавали проблеме общеисторический характер.

Московский символ, как казалось в середине XIX в., подтверждал идею А.Б. Лакиера о раннем возникновении института национальных гербов. Его, как несомненно русскую эмблему, противопоставляли заимствованному, «чужому» двуглавному орлу. В подобной ситуации представляется неслучайным, что работы И.М. Снегирева и А.Б. Лакиера, в названии которых фигурировал российский государственный герб⁵⁸⁹, почти полностью были посвящены анализу московского всадника, а о двуглавом орле упоминали эпизодически. Специфической точки зрения первоначально придерживался А.Б. Лакиер. Он считал, что всадник являлся «тверским гербом», а после присоединения Великого княжества Тверского к Москве его стал использовать Иван III⁵⁹⁰.

Не менее оригинальное мнение высказал профессор Московского университета И.М. Снегирев. Изучая барельеф, хранившийся в Успенском соборе Московского Кремля⁵⁹¹ и изображавший всадника, который поражал копьём змия, он пришел к выводу, что это произведение римского искусства IV в., и его привезла в Москву Софья Палеолог⁵⁹². Подобное утверждение коренным образом меняло представление о генезисе московской символики. Всадник оказывался таким же заимствованием, как и двуглавый орел. И.М. Сне-

⁵⁸⁹ Снегирев И.М. О гербе российском // Московские ведомости. – 1842. – 30 мая. – № 43. – С. 303; Лакиер А.Б. Российский государственный герб // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – Т. 69. – № 273. – СПб., 1847. – С. 43–55; Он же. О российском государственном гербе. – С. 650.

⁵⁹⁰ Лакиер А.Б. О российском государственном гербе. – С. 650.

⁵⁹¹ Снегирев И.М. О старинном барельефе, изображающем Святого Великомученика и Победоносца Георгия, и о времени, когда сей святой вошел в герб российский // Прибавление к Московским губернским ведомостям. – 1842. – 2 мая. – № 18. – С. 407–411; Он же. Римский барельеф, известный под именем образа Св. Георгия в Московском Успенском соборе // Записки Одесского общества истории и древностей. – Т. 2. – Отд. 2. – Одесса, 1848. – С. 470–479.

⁵⁹² Одновременно И.М. Снегиревым допускалась возможность, что барельеф является копией, снятой иностранными мастерами с римского образца.

гирев писал: «Россия получила этого всадника в образе Святого от Востока, а в виде геральдического знака от Запада»⁵⁹³. Аналогичной точки зрения, хотя и опираясь на иные источники, придерживался Б.В. Кёне, считавший, что двуглавый орел и московский всадник восприняты на Руси одновременно⁵⁹⁴.

Изучение московской символики имело не только конкретное, познавательное, но и методическое значение. Был собран большой фактический материал⁵⁹⁵, выяснены генезис и иконографическая эволюция, предложены варианты истолкования, определена совокупность источников, т. е. сформированы универсальные направления геральдического анализа. Благодаря всестороннему изучению московской эмблемы сложилась парадигма, некая исследовательская модель, которая могла применяться к любому русскому гербу.

Доминирующим аспектом стала герменевтика всадника. Высказывалось две точки зрения. Б.В. Кёне, А.Б. Лакиер, князь М.А. Оболенский, И.М. Снегирев, а в начале XX в. Ю.В. Арсеньев⁵⁹⁶ вполне обоснованно считали, что изображение является светским и олицетворяет персону самого великого князя московского, затем царя или – реже – наследника, как защитника христианства, а именование его Святым Георгием возникло под влиянием иностранцев не ранее конца XVII – начала XVIII в.⁵⁹⁷ Иногда инверсия трактовки

⁵⁹³ Снегирев И.М. О московском гербе. – [М., 1853]. – С. 12.

⁵⁹⁴ Koehne V. de. Op. cit. – P. 45.

⁵⁹⁵ На необходимость собирания источников о московском гербе указывал И.П. Сахаров подчеркивавший, что «в разных местах России находятся изображения Св. Георгия; но, как доселе неизвестные, остаются без всякого исследования» (Сахаров И.П. Указ. соч. – С. 20). В 1904 г. П.И. Белавенец предпринял попытку организовать масштабный поиск новых материалов с изображением Святого Георгия. Он опубликовал призыв присылать фотографии с икон, рисунков и барельефов (Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вольфа по литературе, наукам и библиографии. – 1904. – № 8/9. – С. 117). Особенное внимание П.И. Белавенец просил уделить источниковедческим аспектам: повороту фигуры, наличию нимба, датировке, месту хранения.

⁵⁹⁶ Снегирев И.М. О московском гербе // Ведомости Московской городской полиции. – 1853. – 13 июля. – № 152. – С. 307–308; Koehne V. de. Op. cit. – P. 45; Лакиер А.Б. Русская геральдика. – С. 83–85; РГАДА. – Ф. 395. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 15 об.–17 об.; Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах... – С. 162.

⁵⁹⁷ Экзотическое объяснение смысловых инверсий в московском гербе предложил И.М. Снегирев. Он связывал наименование всадника Святым Георгием с влиянием князей Долгоруковых в Верховном тайном совете. По его мнению, они могли до-

связывалась с деятельностью основателя европеизированной русской геральдики графа Ф. Санти, который проигнорировал источники, касавшиеся изображения и истолковал его в соответствии с западной традицией⁵⁹⁸.

Альтернативную гипотезу предложил И.П. Сахаров, убежденный, что сначала московский герб основывался на житии Святого Георгия, но с конца XVI в., а особенно в XVII в., трактовка всадника переменилась на светскую, и лишь в 1729 г., при утверждении, «ему возвращено было его русское древнее значение»⁵⁹⁹.

Обе позиции опирались примерно на одни и те же источники, преимущественно вещественного типа, но по-разному интерпретированные. Поэтому И.П. Сахаров писал о необходимости привлечения дополнительных источников, в частности грамот XV–XVI вв.⁶⁰⁰, которые, как он надеялся, помогут окончательно разрешить проблему. Первое предположение сформировалось ранее второго, в 1840-х гг., а работы И.П. Сахарова появились только в 1850-е гг.

Именованье московского всадника Святым Георгием было подвергнуто резкой критике. В конце XIX в. предпринимались попытки синтезировать обе точки зрения, используя неубедительный тезис об интеграции изображений всадника на коне и Святого Георгия⁶⁰¹.

Авторы, трактовавшие московского всадника как светское изображение, раскрывали его семантику вполне однозначно, но с акцентом на обобщенность или историчность. И.М. Снегирев, исходя из христианской символики змея, связывал эмблему с падением монголо-татарского ига, а Е.Н. Воронец интерпретировал ее как «символ победы, торжества над врагом»⁶⁰².

биться упоминания о Святом Георгии в память о своем предке, основателе Москвы князе Юрии Долгоруком (Снегирев И.М. Еще несколько слов... – С. 708).

⁵⁹⁸ Коehn В. de. Op. cit. – P. 37.

⁵⁹⁹ [Сахаров И.П.] Указ. соч. – С. 19. В фонде И.П. Сахарова сохранились подготовительные материалы и цензурный экземпляр работы: ОР РГБ. – Ф. 268. – К. 1. – Д. 8. – Л. 1–17 об.; Д. 9. – Л. 1–54.

⁶⁰⁰ [Сахаров И.П.] Указ. соч. – С. 26.

⁶⁰¹ К московской геральдике. – С. 92–96. Позиция автора гипотезы вызвала серьезные критические замечания (Конный сокольник в русской геральдике и иконографии // Правительственный вестник. – 1895. – 17 (29) июня. – № 130. – С. 2).

⁶⁰² Снегирев И.М. О гербе российском. – С. 303; Воронец Е.Н. Указ. соч. – С. 28.

После активного интереса в середине XIX в. изучение московского герба на несколько десятилетий прервалось. Только в 1890-е гг. он вновь привлек внимание, в основном в связи с юбилеем двуглавого орла. Оба варианта истолкования всадника были повторены, но попыток дополнительного их обоснования не предпринималось. Некоторые исследователи вообще предпочли уклониться от высказывания собственной точки зрения. Е.Н. Воронец, например, просто сослался на официальное толкование⁶⁰³. Иногда указывалось на бытование альтернативного всаднику со змием символа – сокольника (всадника с соколом на руке), который использовался в XIV–XV вв.⁶⁰⁴

В целом, анализ московского герба к началу XX в. завершен не был, проблемы реконструкции его иконографической эволюции и истолкования остались открытыми.

Итоги изучения территориальной геральдики подвел уже упоминавшийся труд П.П. фон Винклера «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи»⁶⁰⁵. Он содержал полный корпус утвержденных в XVIII–XIX вв. гербов, с их изображениями и описаниями, заимствованными из «Полного собрания законов». Это был новый тип гербовника, предназначенного для научных целей и потому имевшего разнообразное значение: формально-геральдическое, эвристическое, археографическое, источниковедческое. Справочник создавал информационную основу для анализа территориальной геральдики, но был не вполне востребован современниками. По достоинству его оценили только в конце XX в., в эпоху новой волны территориального герботворчества.

Во второй половине XIX – начале XX в. изучение территориальных символов составило вполне определившееся, самостоятельное направление научного поиска, но целенаправленного, всеобъемлющего характера не приобрело. Анализу подвергались случайно избранные эмблемы, происходило первичное осмысление источников, формирование эвристических основ, становление методического инструментария.

В XIX в. герб воспринимался как важнейший атрибут и несомненное доказательство определенного дворянского статуса, как

⁶⁰³ Воронец Е.Н. Указ. соч. – С. 28.

⁶⁰⁴ К московской геральдике. – С. 93–94.

⁶⁰⁵ Винклер П.П. фон Гербы городов...

неотъемлемая часть истории рода. Сведения о гербах широко использовались в практической деятельности дворянских собраний⁶⁰⁶. Информация о наличии герба у конкретного рода сообщалась в генеалогических справочниках второй половины XIX – начала XX в., начиная с «Российской родословной книги» князя П.В. Долгорукова⁶⁰⁷. Иногда она сводилась к официальным описаниям, иногда – только к ссылкам на «Общий гербовник», но стала практически обязательной.

Геральдика вошла в триаду изучения дворянства (история, генеалогия, геральдика), которая сформировалась окончательно благодаря Н.П. Лихачеву и Л.М. Савелову. В 1887 г. Н.П. Лихачевым был задуман многотомный фундаментальный справочник-свод под характерным названием «О русском дворянстве: история, родословие, геральдика», материалы к которому сохранились в архиве историка⁶⁰⁸. На аналогичной трехэлементной структуре основывались популярные библиографические справочники Л.М. Савелова⁶⁰⁹.

Связь между геральдикой и генеалогией наиболее обстоятельно продемонстрировал труд известного тамбовского краеведа А.Н. Нарцова⁶¹⁰. Весь этот генеалогический текст насыщен сведениями о гербах, а в предисловии предпринимался обстоятельный экскурс в область геральдики. Автор полагал, что сведения о ее зарождении, формальных правилах и национальной специфике необходимы для более адекватного, полного понимания истории дворянских родов.

Количественный рост и методическое совершенствование генеалогических исследований расширяли возможности для полноценного анализа родовых гербов. К концу века генеалогическая наука, опирающаяся на критический подход к источникам и позитивистскую методологию, начала оказывать стимулирующее воздействие на гербоведение. На практике оно выражалось через появ-

⁶⁰⁶ Подробнее см.: *Наумов О.Н.* Очерки по русской генеалогии: избр. труды. – М., 2012. – С. 482, 580, 624–625.

⁶⁰⁷ *Долгоруков П.В.* кн. Российская родословная книга. – СПб., 1853–1857. – Ч. 1–4; *Руммель В.В., Голубцов В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. – СПб., 1886–1887. – Т. 1–2; *Лобанов-Ростовский А.Б.* кн. Русская родословная книга. – СПб., 1895. – Т. 1–2.

⁶⁰⁸ *Простоволосова Л.Н.* Н.П. Лихачев: Судьба и книги. – М., 1992. – С. 18.

⁶⁰⁹ См. сноску 557.

⁶¹⁰ *Нарцов А.Н.* Указ. соч. – С. 19–25; то же: Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. – Вып. 47. – Тамбов, 1904. – С. 19–25.

ление специальных геральдических разделов в трудах о родословии⁶¹¹. Упоминания о гербах, в частности, постоянно присутствовали в серии статей П.Н. Петрова в журнале «Всемирная иллюстрация», впоследствии изданных отдельной книгой⁶¹². Ценный в познавательном отношении очерк о возникновении семейных эмблем содержался в фундаментальном исследовании о Шереметевых⁶¹³.

Событием в методике изучения родовых гербов стала глава в монографии о князьях Голицыных⁶¹⁴. В ней не только сводились в единое исследовательское пространство все известные аспекты анализа (генезис, иконография, герменевтика), но, главное, история княжеского герба рассматривалась в тесной связи с развитием всей русской геральдики. Это придавало изучению одного герба глубокий познавательный смысл, а, с другой стороны, наполняло общие представления конкретной информацией. Новым было также установление определенных иконографических типов («форм») герба, последовательно сменявших друг друга. Внутри каждого из них имелись незначительные визуальные вариации при сохранении некоей основной модели. Сопоставление модификаций создавало полное представление об иконографической эволюции герба.

В отличие от этого большинство работ о родовой геральдике ориентировалось на самую примитивную модель исследования. В них констатировалось наличие у того или иного исторического лица неизвестного герба или уточнялось описание родовых символов⁶¹⁵. Ни иконографическая эволюция, ни семантика эмблем не рассматривались.

Редким исключением стала статья известного историка, управляющего Гербовым отделением Департамента Герольдии А.П. Бар-

⁶¹¹ Людер и Лютер // ДАК на 1898 г. – Т. 1. – Ч. 2. – СПб., 1897. – С. 172–173; Савелов Л.М. Род дворян Савеловых. – М., 1904. – С. 5–6; Герб и поколенная роспись рода Андреевых. – СПб., б. г. и др.

⁶¹² Петров П.Н. Указ. соч. – СПб., 1886. – Т. 1–2.

⁶¹³ Барсуков А.П. Род Шереметевых. – Т. 1. – СПб., 1881. – С. 11–14.

⁶¹⁴ Голицын Н.Н. кн. Указ. соч. – С. 472–487.

⁶¹⁵ Милорадович Г.А. гр. Сфрагистическая заметка; Он же. Гербы малороссийских дворянских фамилий. – Чернигов, 1892; Дабига А.В. кн. Мазепа-князь и его шляхетский и княжеский гербы // Киевская старина. – 1885. – № 12. – С. 715–718; И.О. Герб графа Н.И. Евдокимова // РС. – 1890. – № 2. – С. 496; Безродный А.В. Указ. соч. – С. 542.

сукова о гербе известного историка А.-Л. Шлёцера⁶¹⁶, в которой сравнивались его варианты из русских и немецких источников. Надо учитывать, что А.П. Барсуков не только имел доступ к архивам Герольдии по должности, но был преимущественно генеалогом и историком дворянства по сфере научных интересов.

В начале XX в. в генеалогических трудах началось научное использование неутвержденных гербов, которые бытовали в культуре российского дворянства, но не были признаны официально. Например, А.Н. Нарцов опубликовал гербы смоленского рода Пирамидовых и Нарцовых⁶¹⁷. Это означало изменения в предмете гербоведческого дискурса, его совершенствование за счет самобытных эмблем. Другим резервом расширения эмпирического пространства являлись гербы, хотя и утвержденные, но находившиеся в неопубликованных томах «Общего гербовника», фактически имевшие статус архивных источников. Они также использовались в генеалогических трудах⁶¹⁸.

Предметом особого внимания стала публикация рисунков гербов. Сформировалось убеждение, что их цветное воспроизведение предпочтительнее, чем черно-белое, причем не столько эстетически, сколько из-за большего приближения к архивному оригиналу утвержденного изображения. Как писал издатель серии «Дворянское сословие Тульской губернии» М.Т. Яблочков при публикации родословной Чернопятовых: «Герб нужно издать в красках, как он утвержден. Так будет красивее и вполне схожим с подлинным»⁶¹⁹. Однако цветные изображения увеличивали расходы, поэтому некоторые авторы, сами финансировавшие издания, отказывались от них⁶²⁰.

Утверждение геральдической системы членов династии Романовых в середине XIX в. стало поводом для публикации соответ-

⁶¹⁶ Барсуков А.П. Герб Августа Шлёцера // Памятники древней письменности. – Т. 83. Приложение 7. – СПб., 1891. – С. 1–7.

⁶¹⁷ Нарцов А.Н. Указ. соч. – С. 390, 415.

⁶¹⁸ Савелов Л.М. Род дворян Чернопятовых // ЛИРО. – 1906. – Вып.4. – Приложение.

⁶¹⁹ ОР РГБ. – Ф. 329.IV. – К. 8. – Д. 57. – Л. 1–1 об.

⁶²⁰ Иногда в этом сказывалась недооценка геральдического компонента. Генеалог В.В. Голубцов, например, считал, что публикация цветного рисунка его, между прочим, неутвержденного герба будет стоить «слишком дорого, сравнительно с интересом его и важностью, которая, при описании, очень второстепенна», и добавлял: «Мне гораздо приятнее будет купить себе на эту сумму книг» (РГАДА. – Ф. 1293. – Д. 4. – Л. 143).

ствующих законодательных актов⁶²¹. Они ознакомили общество с символами династии и объективно способствовали популяризации геральдического знания.

Во второй половине XIX – начале XX в. не предпринималось серьезных попыток кодификации родовых гербов. Подготовка томов официального «Общего гербовника» продолжалась, обретя благодаря Б.В. Кёне и А.П. Барсукову регулярность, но поскольку новые тома хранились в архиве Правительствующего Сената, то заметного историографического значения они не имели. Реакцией на такую ситуацию, по всей видимости, стал первый после перерыва в столетие опыт составления частного гербовника⁶²². Однако начинание оказалось крайне неудачным. У автора отсутствовали какие-либо профессиональные навыки в области гербоведения. Красочно оформленный альбом содержал преимущественно гербы Императорского Дома и титульные гербы, которым давался нелепый, видимо под влиянием ошибочных представлений о древности русской геральдики, заголовок «Гербы великих и удельных княжеств Древней Руси».

Во второй половине XIX в. изучение родовых гербов не имело познавательного приоритета, уступая по методическим параметрам осмыслению других страт геральдического пространства. Примеры удачного анализа конкретных гербов только подчеркивали неудовлетворительное состояние этого раздела дисциплины в целом. Основными причинами такой ситуации стали отсутствие стержневой идеи, которая определила бы научное значение родовых гербов, и доминирование прагматических аспектов, препятствовавшее их осознанию как серьезной гносеологической проблемы.

Отечественное гербоведение было национально ориентировано. Знание русских гербов интерпретировалось как осведомленность об истории России, как проявление патриотизма и вменялось в обязанность любому, кому дорога страна. Такое отношение сформулировал еще А.Б. Лакиер, и его безоговорочно поддержали другие исследователи. Оно привело к недооценке иностранного опыта, к нему обращались крайне редко и лишь в особых случаях.

⁶²¹ Подробное описание гербов членов императорского дома // Санкт-Петербургские ведомости. – 1857. – 23 июня. – № 136. – С. 707–708; 25 июня. – № 137. – С. 713–714.

⁶²² *Дурасов В.А.* Гербовник всероссийского дворянства – Ч. 1. – Отд. 1. – СПб., 1906.

Единственным исключением стали работы И.П. Сахарова, в которых воссоздавалась картина заимствования двуглавого орла из Византии не только Московским государством, но и другими западными странами⁶²³. Это был один из первых в отечественной геральдической науке примеров сознательного, не формального использования компаративного метода, направленного на получение полного и достоверного знания.

В последней четверти XIX в. публикации о зарубежных гербах могли быть обусловлены не только познавательными, но и политическими обстоятельствами. В 1879 г. журнал «Всемирная иллюстрация» напечатал статьи о государственной символике только что возникших на Балканском полуострове стран: Сербии, Черногории, Болгарии⁶²⁴. Они являлись своеобразной реакцией на итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг., изменившей геополитическую ситуацию в регионе. В статьях проводилась мысль о единстве славянской символики, раскрывалась историческая обусловленность новых государственных гербов. По политической направленности их содержание полностью соответствовало публицистике конца 1870-х гг. и было проникнуто идеями панславизма.

В отличие от ориентированной вне пределов России историографии XVIII в. в конце XIX в. информация о государственных гербах зарубежных стран, причем самая краткая, появлялась лишь в энциклопедических изданиях, где без нее невозможно было обойтись⁶²⁵. Обращение к европейскому опыту происходило при описании генезиса института герба или при изложении формальных правил и носило компилятивный характер.

Единственной страной, к геральдическому опыту которой во второй половине XIX в. обращались постоянно, стала Польша. Такое исключение определялось двумя обстоятельствами: во-первых, она оказала существенное влияние на генезис отечественного геральдического пространства и, во-вторых, Царство Польское входило в состав Российской империи, поэтому польские гербы не воспринимались как нечто совершенно чуждое, хотя объективно они

⁶²³ ОР РГБ. – Ф. 268. – К. 1. – Д. 10. – Л. 3 об., 6, 8, 25.

⁶²⁴ Герб княжества Болгарского // Вс. ил. – 1879. – Т. 21. – № 13. – С. 263; Герб Сербии // Там же. – № 20. – С. 399; Герб Черногории // Там же. – № 24. – С. 475; Описание герба Болгарского княжества // Там же. – Т. 22. – № 12. – С. 227.

⁶²⁵ Винклер П.П. фон. Герб, гербоведение. – С. 466–467.

принадлежали к иной традиции. Интерес диктовался еще и тем, что была очевидна древность польской геральдики, а для XIX в. хронологический фактор играл важную роль для обретения каким-либо явлением научного значения, достойного изучения.

Публикации о польской геральдике оказались тематически разнообразными, некоторые были переведены с польского языка. Среди них имелись воспроизведения источников⁶²⁶, работы о становлении и истории польской геральдической системы⁶²⁷, о территориальной и родовой геральдике⁶²⁸, однако отсутствовали упоминания о государственной символике, так как подчеркивать былую самостоятельность Польши представлялось неуместным. Наоборот, составлением и публикацией «Гербовника дворянских родов Царства Польского»⁶²⁹ позиционировалось вхождение польского герботворчества в сферу официальной российской геральдики, поскольку это собрание являлось, по сути, аналогом «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи».

Немаловажное место в историографии занимала проблема влияния польской геральдики на русский опыт. Она обсуждалась также в польском гербоведении. Отзвуком этих дискуссий стала переведенная статья доктора Ф. Пекосинского, известного теорией о руническом происхождении польских гербов⁶³⁰. Он однознач-

⁶²⁶ Оршанский гербовник // Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. – Вып. 28. – Ч. 2. – Витебск, 1900. – С. 1–167; Гербовник витебского дворянского // Heraldica. – Т. 1. – СПб., 1900. – С. 141–176.

⁶²⁷ Шайноха К. О происхождении дворянства и гербов в Польше // Сборник, издаваемый студентами Санкт-Петербургского университета. – Вып. 3. – [СПб., 1857]. – С. 173–244; Перечень польских гербов, помещенных в «Польском гербовнике» Несецкого // ДАК на 1898 г. – Т. 2. – СПб., 1898. – С. 24–28.

⁶²⁸ Фосберг Ф.А. Указ. соч.; Коростовцов В.Л. Герб фамилии Хоростовецких-Остоя, ныне Коростовцовых // РА. – 1873. – № 6. – Стлб. 1049–1052; Воробьев Г. Историческая заметка о гербе города Варшавы // ИВ. – 1897. – № 3. – С. 1159–1160; Дворянские роды, внесенные в «Гербовник Царства Польского» // ДАК на 1898 г. – Т. 1. – СПб., 1898. – Стлб. 209–226; Дворянские роды, имеющие гербы внесенные в Общий и польский гербовники и в матрикулы рыцарских родов Курляндии, Лифляндии, Эстляндии и Финляндии // Там же. – Т. 2. – СПб., 1898. – С. 416–559.

⁶²⁹ Гербовник дворянских родов Царства Польского. Подробную характеристику см.: Думин С.В. «Гербовник Царства Польского» // Русская генеалогия. – М., 1999. – С. 81–83.

⁶³⁰ Пекосинский Ф. Рунические знаки в польской геральдике // ДАК на 1898 г. – Т. 2. – С. 15–24.

но указывал на взаимосвязь польской и русской геральдических систем⁶³¹, категорично заявляя, что «с тех пор, как русская геральдика становится настоящей геральдикой, она заимствует свои образцы единственно только из польской геральдики и ниоткуда больше»⁶³². Несмотря на излишнюю однозначность подобных оценок, они более соответствовали исторической реальности, чем позиции некоторых польских историков (в частности, А. Яблоновского и А. Малецкого) – оппонентов Ф. Пекосинского, отрицавших очевидную связь между польскими и русскими гербами.

С.Т. Голубев подверг обстоятельному анализу панегирики XVII в.⁶³³, часто содержавшие геральдический компонент. Всесторонне рассматривая смысловую нагрузку, структуру и приемы «герботолкований», исследователь пришел к убедительному выводу о том, что они, хотя и получили широкое распространение в южно-русской литературе, не были явлением самобытным, находясь под сильным влиянием польских традиций.

Исследования по польской геральдике могли приобретать острую полемическую и даже политическую направленность. Князь Н.К. Имеретинский⁶³⁴ доказывал тенденциозность известного польского геральдиста К. Несецкого по отношению к русским дворянским родам, оказавшимся на территории Западного края. В построенной иезуитами «замечательно обдуманной и целесообразной системе польской геральдики»⁶³⁵ автор видел один из способов проведения определенной политики по отношению к дворянству, способствовавший смене вероисповедания с православия на католичество и внутрисловному расколу.

⁶³¹ Версия генезиса русской геральдики, предложенная Ф. Пекосинским, имела следующую вид: Червонная Русь заимствовала гербы из Польши и сохранила традиционную польскую эмблематическую систему, в то время как в самой стране под влиянием западной культуры правила стали изменяться. Осталось, однако, не вполне ясным, имел ли геральдист в виду только Червонную Русь или русскую геральдику в целом.

⁶³² Пекосинский Ф. Источники русской геральдики // Heraldica. – Т. 1. – СПб., 1900. – С. 109.

⁶³³ Голубев С.Т. Указ. соч. – С. 295–382.

⁶³⁴ Имеретинский Н.К. кн. Дворянство Волынской губернии. Польская геральдика. Гербовник ксендза иезуита Несецкого // Волынские губернские ведомости. – 1867. – № 111–115.

⁶³⁵ Там же. – С. 4.

Интерес к польскому опыту диктовался не только прагматическими обстоятельствами, но и был связан с определением научной ценности и статуса исследований. Указание на польское влияние придавало русской геральдике значение несомненной исследовательской проблемы, поскольку геральдика этой страны имела древние научные традиции, восходящие к XVI в. С другой стороны, сравнение служило для идентификации отечественного опыта относительно европейского.

Характерной чертой публикаций о польской геральдике являлась почти постоянная обращенность к историографии⁶³⁶, к истории геральдического знания, а не к конкретным гербам. Авторы либо вступали в полемику с польскими историками, либо цитировали их. Богатая геральдическая литература Польши ставилась в пример русской, которая «не собралась до сих пор, к стыду своему, представить нечто ценное и полное»⁶³⁷.

В середине XIX – начале XX в. зарубежная геральдика не стала предметом обстоятельного осмысления, отношение к ней оставалось потребительским.

Во второй половине XIX – начале XX в. отечественное гербоведение продолжало развиваться как научное знание. Эволюция была медленной, трудной, противоречивой, но, тем не менее, неуклонной. Особенностью этого процесса стала дискретность. Геральдические исследования проводились и публиковались нерегулярно, иногда в течение нескольких лет не появлялось ни одного. Тем не менее, произошла тематическая дифференциация исследовательского поля, обозначились направления, соответствовавшие структуре геральдического пространства: изучение государственных, территориальных, родовых гербов.

Во второй половине XIX в. наблюдалось два периода активизации изучения гербов – в 1850-е и 1890-е гг. Первый из них связан с исследованиями А.Б. Лакиера, И.П. Сахарова, И.М. Снегирева, Б.В. Кёне, второй – П.П. фон Винклера, А.П. Барсукова, А.В. Орешникова. Временной разрыв между ними детерминировался субъек-

⁶³⁶ Довольно часты были обращения также к немецкой геральдической литературе, особенно к фундаментальному гербовнику Зибмахера (*Дабига А.В.* Указ. соч. – С. 715; *Барсуков А.П.* Герб Августа Шлёцера. – С. 5).

⁶³⁷ *Гильтебрандт П.* Библиография польской геральдики // *Древняя и новая Россия.* – 1877. – № 1. – С. 121.

тивным обстоятельством – после появления концепции А.Б. Лакиера вопрос о познавательных возможностях геральдики казался исчерпанным. Потребовалось время, чтобы потребность в осмыслении геральдического материала возникла вновь.

В течение второй половины XIX в. был накоплен значительный массив конкретной информации, сложился основной методический инструментарий дисциплины и приемы анализа геральдических источников. Оказалась преодолена хаотичность, свойственная исследованиям XVIII – первой половине XIX в., возникла преемственность работ, наметилась основная проблематика. К началу XX в. геральдика окончательно выделилась из состава археологии.

Отечественное гербоведение второй половины XIX в. стало обретать системность, свойственную любому научному знанию. Оно развивалось в рамках позитивистской методологии, которая обусловила фактологичность изысканий, ориентацию на источниковедение, стремление к систематизации и упорядочению информации, приоритетное внимание к созданию эвристической структуры. Позитивизм русской научной геральдики был закономерен и неизбежен. На определенном этапе он имел положительное значение и составлял ту ступень познания гербов, без которой не смогли бы в дальнейшем развиваться альтернативные методологические подходы (прежде всего – элементы структурализма).

Научная геральдика развивалась в тесной связи с существовавшими в России направлениями исторической мысли. Трактовка проблем дисциплинарного познания, понимание сути и социальных функций герба, роли власти в процессе герботворчества полностью соответствовали идеям дворянской историографии, официальной концепции прошлого России.

§ 3. Источниковедческая магистраль: научная геральдика в 1908–1917 гг.

В конце первого десятилетия XX в. русская научная геральдика вступила в период фундаментальных качественных изменений. Они реализовывались многообразно: в резком росте количества исследований, совершенствовании методики, попытках создания полной эвристической системы, поиске новых познавательных подходов к геральдическим источникам. Все это было теснейшим об-